ОТКРОВЕННЫЕ РАССКАЗЫ СТРАННИКА

Библиотека паломника

Сборник

Откровенные рассказы странника духовному своему отцу

Серия «Библиотека паломника»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11829502
Откровенные рассказы странника духовному своему отцу: Даръ; Москва; 2013
ISBN 978-5-485-00376-0

Аннотация

«Откровенные рассказы странника» являются лучшим учебником молитвы. Впервые эта книга появилась в России в XIX веке в самый расцвет старчества, в основе которого лежал так называемый «путь духовного делания», т.е. созерцательное отношение к жизни и познание себя в окружении мира. Первое издание книги стало, как бы сейчас сказали, бестселлером, – и она остается им спустя столетие.

Содержание

Предисловие	5
Рассказ первый	13
Рассказ второй	31
Рассказ третий	76
Рассказ четвертый	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Откровенные рассказы странника духовному своему отцу

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
№ ИС 10-08-0366
© Издательство «ДАРЪ»

Предисловие

«Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» уже давно и достаточно известны русскому обществу. Написанные во второй половине XIX столетия, они распространялись и в рукописном виде и печатно. Переписаны они были на Афоне настоятелем Черемисского монастыря Казанской епархии, игуменом Паисием, и им же изданы. В 1884 г. в Москве вышло уже четвертое издание.

Автор этих рассказов остался неизвестным. Высказывались различные предположения. В числе возможных авторов называли и игумена Тихона, настоятеля одного из монастырей Нижегородской или Владимирской епархии, автора нескольких душеполезных книг, и оптинского старца Амвросия, и даже святителя Феофана Затворника Вышенского. Но никаких неопровержимых данных в пользу кого бы то ни было из них нет. Очень возможно, что это вообще неизвестный писатель, хотя и не лишенный литературного дарования и вкуса.

Кроме первых четырех «рассказов странника», в России в 1911 г. было издано (2-мя изданиями) дополнение к этим рассказам, найденное в бумагах известного оптинского старца, иеросхимонаха Амвросия. Эти новые – пятый, шестой и седьмой – рассказы были также переизданы отдельной брошюрой за границей в Русской церковной типографии во Вла-

димировой на Словенску в 1933 г. В настоящем издании читатель имеет все семь рассказов, дополненные, как и раньше, тремя «ключами» для внутреннего молитвенного делания, составленными из творений известных отцов-аскетов.

В значительной степени успех этой книжки объясняется ее внешними качествами, вполне соответствующими и ее внутреннему содержанию. Излишне говорить, что часто стиль духовно-просветительной литературы, не подчинявшийся требованиям литературной критики и культуры, отталкивал от себя очень многих читателей, жаждавших религиозного просвещения. Книги духовно-нравственного содержания почему-то почти всегда писались особым, неприемлемым для литературного слуха языком, обильно уснащенным славяно-русскими оборотами, языком условным, приторно-елейным и потому легко кажущимся неискренним. Можно смело сказать, что при всем богатстве богословских трактатов и монографий первоклассной научной ценности русское общество, жаждавшее религиозного просвещения, было совершенно лишено книг, написанных вполне естественным языком, не режущим слух литературно-образованного читателя. Даже академические переводы святоотеческих творений, почти всегда выполненные профессорами высших богословских школ, зачастую страдали от этого искусственного приспособления к выработанному стилю духовных листков и брошюрок для народа. Пушкинскому языку почему-то закрыты были двери в эту область религи-

озной литературы.

«Рассказы странника» служат как раз счастливым исключением. Их автор сумел возвыситься над утвержденным уровнем духовно-нравственной письменности. Эта книга написана живым, народным и правильным русским языком. Конечно, она не чужда известной доли манерности; язык ее для нашего времени значительно устарел; он не свободен от примеси церковно-славянизмов; ритм и стиль кое-где не выдержан до конца. Но, в общем, эти детали никак не умаляют благоприятного впечатления от всего повествования странника. Это все не выдумано и не искусственно создано. Автор, безусловно, слышал этот говор, так сказать, с натуры. Он вполне вошел в этот распев и владеет им умело и уверенно.

Встает вопрос, принадлежат ли вторые три рассказа тому же автору, что и первые четыре? Странным кажется, почему только в 1911 г., после того как книга выдержала четыре издания и была широко распространена по всей России, вдруг были найдены последние рассказы.

Гораздо важнее этой внешней стороны внутреннее содержание книги. Это – путь странника по бесконечным дорогам, большакам и проселкам святой Руси; одного из представителей той «во Христе бродячей» России, которую мы так хорошо знали тогда, давно, давно… – России, которой теперь нет и которой, вероятно, никогда больше и не будет. Это те, кто от прп. Сергия шли в Саров и на Валаам, в Оптину и к киевским угодникам, заходили и к Тихону и Мит-

рофанию, бывали и в Иркутске у святителя Иннокентия, доходили и до Афона и до Св. Земли. Они, «не имея пребывающего града, искали грядущего». Это те, кого манила даль и беспечная легкость бездомного жития. Оставив свой дом, они находили его в иноческих обителях. Сладости семейного уюта они предпочли назидательную беседу старцев и схимников. Крепкому укладу векового быта они противопоставили ритм монастырского богослужебного года с его праздниками и церковными воспоминаниями. Они кажутся нам теперь гораздо более близкими к бедняку из Ассизи или еще ближе к тем первохристианам, о которых древний автор написал: «Христиане населяют свои отечества, но как пришельцы; во всем участвуют, как граждане, но все терпят, как чужестранцы; всякая чужбина им – отечество, и всякое отечество – чужбина… Будучи во плоти, они не по плотскому живут; по земле скитаются, но на небе жительствуют» (так называемое «Письмо к Диогнету»).

И вот этот «по милости Божией человек-христианин, по делам великий грешник, по званию бесприютный странник», ночующий то у мужика-полесовщика, то у купца, или в захолустной сибирской обители, а то у благочестивого помещика или священника, ведет свой безыскусственный рассказ о своем странствовании. Ритм его напева легко захватывает читателя, подчиняет себе и заставляет слушать и поучаться. Обогащаться тем богатым сокровищем, которым владеет этот бедняк, не имеющий ничего с собою, кроме сумки су-

харей, Библии за пазухой, да «Добротолюбия» в своей сумке. Это сокровище – молитва. Тот дар и та стихия, которым безмерно богаты те, кто его стяжал. Это – то духовное богатство, которое отцы-аскеты назвали «умным деланием», или «духовным трезвением», которое унаследовано от подвижников Египта, Синая и Афона и корни которого уходят в седую древность христианства. Это – то богатство, которое близко всем мистикам всех религий, то внутреннее самоуглубление, которое открывает «потаенного сердца человека», которое показывает подвижнику «ведение логосов твари», то есть премирный смысл и художественный замысел божественного плана созданной Вселенной.

Апостольские слова «непрестанно молитесь», с которых, в сущности, и начинается это духовное паломничество странника, полюбились христианским мистикам древности и, воплощенные в их внутреннем делании, выработались в особую духовную науку о постоянном трезвении ума. Уже Климент Александрийский, философ и богослов, один из первых христианских мистиков, знает основные принципы этого делания. Его совершенный «гностик» стремится молиться этой внутренней молитвою, которой не нужны ни особое время, ни место, ни книги, ни молитвенные символы. Ему не нужны слова и звуки. Безмолвная молитва его уст, шепот его губ, это – крик его сердца. Он молится весь день и всю жизнь. Он не нуждается в храмах, и богослужение его сердца не подчиняется церковному типикону. Цель его мо-

литвы – не исполнение прошений, а чистое созерцание Бога. Об этой же молитве знают и учат свв. Макарий Египетский и Антоний Великий, Иоанн Лествичник и Максим Исповедник, Исаак Сирин и Симеон Новый Богослов, Ареопагитики и Григорий Палама. То, что Церковь хранит бережно и ревниво в писаниях всех этих аскетов – художников этого делания, и представляет собою вершину всего молитвенного искусства.

Наиболее полное и яркое выражение свое оно получило в слове св. Симеона Нового Богослова о трех образах молитвы, раскрывающем нам всю ценность и содержание этой «безобразной» молитвы, – молитвы, не воплощенной в литургико-иконописные символы, а состоящей в непрестанном повторении имени Божия, услаждения им и созерцания в нем несозданных энергий Божиих, поскольку это дается Богом очищенному сердцу подвижника. От Паламы и Синаита этот опыт передался и сохранился у исихастов Афона; от них, через Паисия Величковского, был воспринят и нашими старцами, оптинскими и валаамскими исихастами.

Христианское подвижничество неоднократно пытались застилизовать под обскурантизм или гнушение миром и человеком. Но, имея «такое облако свидетелей» за собою, опираясь на весь святоотеческий опыт аскетики, подвижник, творец умной молитвы, есть в то же время и носитель истинного духовного просвещения. Он, как и совершенный гностик Климента, не только не колеблется перед кажущимися

противоречиями истинного ведения и веры, но и стремится всей душой и умом к стяжанию этого знания о вещах и о мире. Для него молитва есть не только путь к богообщению, но и к боговедению. Молитва имеет свое глубокое гносеологическое значение и открывает ему в его мистических созерцаниях то, что отцы назвали «знанием логосов вещей», то есть премирного их смысла. Исихасту-страннику, повествователю своих откровенных рассказов, открылось целое миропонимание и мироощущение, неведомое мудрецам позитивного знания. За «грубою корою вещества» он видит божественные логосы этих тварей, ту настоящую реальность, отраженными символами которой являются вещи этого мира. Это наполняет его такой любовью к миру, к природе, к зверям и людям, что не только нельзя говорить о мироненавистничестве, но, наоборот, в его безыскусственном рассказе можно прочитать настоящий гимн любви к этому миру и человеку. Он познал сам и учит нас тому, что так знал, например, св. Максим Исповедник, да и другие отцы и писатели Церкви, а именно, что весь видимый мир представляет собою необъятное органическое целое, связанное союзом любви.

Углубленный в себя, в постоянное повторение святейшего имени Иисусова, он в безмолвном созерцании Логоса Божия достигает внутреннего озарения себя, а через то – и созерцания преображенного в Фаворском свете мира и человека.

Профессор, архимандрит Киприан.
Сергиевское подворье.
Март 1948 г.

Рассказ первый

Я по милости Божией человек-христианин, по делам великий грешник, по званию бесприютный странник, самого низкого сословия, скитающийся с места на место. Имение мое следующее: за плечами сумка сухарей да под пазухой Священная Библия, вот и все. В двадцать четвертую неделю после Троицына дня пришел я в церковь к обедне помолиться, читали Апостол из Послания к Солунянам, зачало 273, в котором сказано: *непрестанно молитесь.* Это изречение особенно вперилось в ум мой, и начал я думать, как же можно беспрестанно молиться, когда необходимо нужно каждому человеку и в других делах упражняться для поддерживания своей жизни? Справился в Библии и там увидел собственными глазами то же, что слышал – и именно, что надо *непрестанно молиться* (1 Фес. 5, 16), *молиться во всякое время духом* (Еф. 6,18; 1 Тим. 2, 8), воздевать молитвенные руки на всяком месте. Думал, думал, не знал, как решить [1].

Что мне делать, подумал я, где сыскать, кто бы растолковал мне? [2] Пойду ходить по церквам, где славятся хорошие проповедники, авось там услышу себе вразумление. И пошел. Много слышал очень хороших проповедей о молитве. Но все они были наставления о молитве вообще; что есть молитва; как необходимо молиться; какие плоды молитвы; а о том, как преуспеть в молитве, никто не говорил. Была

проповедь о молитве духом и о непрестанной молитве, но как дойти до такой молитвы, не было указано. Так слушание проповедей и не привело меня к желаемому. Почему наслушавшись их и не получив понятия, как непрестанно молиться, я уже не стал слушать публичных проповеданий, а решился при помощи Божией искать опытного и сведущего собеседника, который бы растолковал мне о непрестанной молитве, по неотступному влечению моему к этому познанию.

Долго я странствовал по разным местам: все читал Библию да расспрашивал, нет ли где какого духовного наставника или благоговейного опытного водителя? По времени сказали мне, что в оном селе живет уже давно господин и спасается: имеет в доме своем церковь, никуда не выезжает и все Богу молится, да беспрестанно читает душеспасительные книги. Услышав это, я уже не шел, а бежал в сказанное село; достиг и добрался до помещика.

– Какую имеешь до меня нужду? – спросил он меня.

– Я слышал, что вы человек богомольный и разумный, потому и прошу вас, ради Бога, растолковать мне, что значит сказанное у апостола: *непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17), и каким образом можно непрестанно молиться? Желательно мне это узнать, а понять никак не могу.

Барин помолчал [3], пристально посмотрел на меня да и говорит: «Непрестанная внутренняя молитва есть беспрерывное стремление духа человеческого к Богу. Чтобы успеть

в этом сладостном упражнении, следует чаще просить Господа, чтоб научил Он непрестанно молиться.

Молись больше и усердней, молитва сама собою откроет тебе, каким образом может быть непрестанною; для сего потребно свое время».

Сказав это, он велел накормить меня, дал на дорогу и отпустил. И не растолковал.

Опять я пошел, думал-думал, читал-читал, размышлял-размышлял о том, что сказал мне барин и не мог-таки понять, а очень хотел уразуметь, так что и ночи не спались. Прошел верст двести и вот вхожу в большой губернский город. Увидел там монастырь. Остановившись на постоялом дворе, услышал, что в этом монастыре настоятель добрейший, богомольный и странноприимный. Пошел к нему. Он принял меня радушно, посадил и начал угощать.

– Отче святый! – сказал я, – угощение мне не нужно, а я желаю, чтоб вы дали мне духовное наставление, как спастись?

– Ну как спастись? Живи по заповедям да молись Богу, вот и будешь спасен!

– Я слышу, что надо непрестанно молиться, но не знаю, как непрестанно молиться, и не могу даже понять, что значит непрестанная молитва. Прошу вас, отец мой, растолковать мне это.

– Не знаю, любезный брат, как еще растолковать тебе. Э! Постой, есть у меня книжка, там растолковано, – и вынес

святителя Дмитрия духовное обучение внутреннего человека. – Вот, читай на этой странице.

Я начал читать следующее [4]: «Оные апостольские словеса: *непрестанно молитесь* – должно разуметь о творимой умом молитве, ибо ум может быть всегда вперен в Бога и непрестанно ему молиться».

– Растолкуйте мне это, каким образом ум всегда может быть вперен в Бога, не отвлекаться и непрестанно молиться.

– Это весьма мудрено, разве кому сам Бог так даст, – сказал настоятель. И не растолковал.

Переночевав у него и наутро поблагодарив за ласковое странноприятие, я двинулся далее в путь, и сам не зная куда. Горевал о своем непонятии да для отрады читал святую Библию. Шел так дней пять по большой дороге, наконец, под вечер, нагнал меня какой-то старичок, по виду как будто из духовных.

На вопрос мой он сказал, что он схимонах из пустыни, которая верстах в 10, в сторону от большой дороги, и звал меня зайти с ним в их пустыню. У нас, говорил, странников принимают, успокаивают и кормят вместе с богомольцами на гостинице.

Мне что-то не хотелось заходить, и я отвечал на приглашение его так: «Покой мой зависит не от квартиры, а от духовного наставления, за пищей же я не гонюсь, у меня много сухарей в сумке».

– А какого рода ты ищешь наставления и в чем недоуме-

ваешь? Зайди, зайди, любезный брат, к нам, у нас есть опытные старцы, могущие дать духовное окормление и наставить на путь истинный, при свете слова Божия и рассуждения святых отцов.

– Вот видите, батюшка, около году тому назад, как я, будучи у обедни, услыхал в Апостоле таковую заповедь: *непрестанно молитесь.* Не умея этого понять, я начал читать Библию. И там также во многих местах нашел повеление Божие, *что надо непрестанно молиться,* всегда, на всякое время, на всяком месте, не токмо при всех занятиях, не токмо в бодрствовании, но даже и во сне. *Я сплю, а сердце мое бодрствует* (Песн. 5, 2). Это очень удивило меня, и я не мог понять, как можно это исполнить и какие к тому способы. Сильное желание и любопытство возбудилось во мне, и день и ночь из ума моего это не выходило [5]. А потому я стал ходить по церквам, слушать проповеди о молитве, но сколько их ни выслушал, ни в одной не получил наставления, как непрестанно молиться; все только говорено было о приготовлении к молитве или плодах ее и подобное, не научая, как непрестанно молиться и что значит таковая молитва. Я часто читал Библию и ею проверял слышанное, но при этом не находил желаемого познания. И так я до сих пор остался в недоумении и беспокойстве.

Старец перекрестился и начал говорить:

– Благодари Бога, возлюбленный брат, за открытие Им в тебе непреодолимого влечения к познанию непрестанной

внутренней молитвы. Познай в этом звание Божие и успокойся, уверившись, что до сего времени совершалось над тобою испытание согласия твоей воли на глас Божий, и даваемо было разуметь, что не мудростью мира сего и не внешней любознательностью достигают небесного света, непрестанной внутренней молитвы, но, напротив, нищетой духа и деятельным опытом обретается оное в простоте сердца. А потому нисколько не удивительно, что ты не мог слышать о существенном деле молитвы и познать науку, как достичь непрестанного действия оной. Да и правду сказать, хотя немало проповедуют о молитве и много есть о ней поучений различных писателей, но поскольку все их рассуждения основаны большей частью на умозрении, на соображениях естественного разума, а не на деятельной опытности, то более они и поучают о принадлежностях молитвы, нежели о сущности самого предмета [6]. Иной прекрасно рассуждает о необходимости молитвы, другой – о ее силе и благотворности, третий – о средствах к совершенству молитвы, то есть о том, что для молитвы необходимо нужно усердие, внимание, теплота сердца, чистота мысли, примирение с врагами, смирение, сокрушение и прочее. А что такое молитва? и как научиться молиться? – на эти, хотя и первейшие и самонужнейшие вопросы, весьма редко у проповедников нашего времени можно находить обстоятельные объяснения, поскольку они труднее для понятия всех вышеисчисленных их рассуждений и требуют таинственного ведения, а не одной только школь-

ной научности. Да что еще всего сожалительнее, что суетная стихийная мудрость заставляет измерять Божие мерилом человеческим. Многие о деле молитвы рассуждают совсем превращенно, думая, что приуготовительные средства и подвиги производят молитву, а не молитва рождает подвиги и все добродетели [7]. В таком случае они плоды или последствия молитвы неправильно принимают за средства и способы к оной и тем унижают силу молитвы. И это совершенно противно Священному Писанию, ибо апостол Павел дает наставление о молитве в таковых словах: *прежде всего прошу совершать молитвы* (1 Тим. 2,1). Здесь первое наставление в изречении апостола о молитве есть то, что он поставляет дело молитвы прежде всего: *прежде всего прошу совершать молитвы.* Много дел благих, которые требуются от христианина, но дело молитвы должно быть прежде всех дел, потому что без нее не может совершиться никакое другое благое дело.

Невозможно без молитвы найти путь ко Господу, уразуметь истину, *распять плоть со страстями и похотями* (Гал. 5, 24), просветиться в сердце светом Христовым и спасительно соединиться без предварительной, частой молитвы. Я говорю частой, ибо и совершенство и правильность молитвы вне нашей возможности, как говорит и святой апостол Павел: *мы не знаем, о чем молиться, как должно* (Рим. 8, 26).

Следственно, только частота, всегдашность оставлена на долю нашей возможности как средство к достижению молит-

венной чистоты, которая есть матерь всякого духовного блага. «Стяжи матерь, и произведет тебе чад, – говорит святой Исаак Сирин, – научись приобрести первую молитву и удобно исполнишь все добродетели». А об этом-то и неясно знают и немного говорят малознакомые с практикой и с таинственными учениями святых отцов.

В этом собеседовании мы нечувствительно подошли почти к самой пустыне. Чтобы не упустить мне того мудрого старца, а скорее получить разрешение моего желания, я поспешил сказать ему:

– Сделайте милость, честнейший батюшка, объясните мне, что значит непрестанная внутренняя молитва и как научиться оной: я вижу, что вы подробно и опытно это знаете.

Старец принял это мое прошение с любовью и позвал меня к себе:

– Зайди теперь ко мне, я дам тебе книгу святых отцов, из которой ты ясно и подробно можешь уразуметь и научиться молитве при помощи Божией.

Мы вошли в келью и старец начал говорить следующее:

– Непрестанная внутренняя Иисусова молитва есть беспрерывное, никогда не престающее призывание Божественного имени Иисуса Христа устами, умом и сердцем, при воображении всегдашнего Его присутствия, и прошении Его помилования, при всех занятиях, на всяком месте, во всяком времени, даже и во сне. Она выражается в таковых словах: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» И если кто навык-

нет этому призыванию, то будет ощущать великое утешение и потребность творить всегда сию молитву так, что уже без молитвы и быть не может, и она уже сама собою будет в нем изливаться. Теперь понятно ли тебе, что есть непрестанная молитва?

– Очень понятно, отец мой! Бога ради научите меня, как ее достигнуть! – воскликнул я от радости.

– Как научиться молитве, о том прочтем вот в этой книге. Эта книга называется «Добротолюбие». Она содержит в себе полную и подробную науку о непрестанной внутренней молитве, изложенную двадцатью пятью святыми отцами, и так высока и полезна, что почитается главным и первейшим наставником в созерцательной духовной жизни, и, как выражается преподобный Никифор, «без труда и потов в спасение вводит».

– Неужели она выше и святее Библии? – спросил я.

– Нет, она не выше и не святее Библии, а содержит в себе светлые объяснения того, что таинственно содержится в Библии и не удоборазумно по высоте своей для нашего недальновидного ума. Я представляю тебе пример этому: солнце есть величайшее, блистательнейшее и превосходнейшее светило, но ты не можешь созерцать и рассматривать его простым, неогражденным глазом. Потребно известное искусственное стекло, хотя в миллионы раз меньшее и тусклейшее солнца, через которое мог бы ты рассматривать этого великолепного царя светил, восхищаться и принимать пла-

менные лучи его. Так и Священное Писание есть блистательное солнце, а «Добротолюбие» – то потребное стекло.

Теперь слушай – я буду читать, каким образом научиться непрестанной внутренней молитве. – Старец раскрыл «Добротолюбие», отыскал наставление святого Симеона Нового Богослова и начал: «Сядь безмолвно и уединенно, преклони главу, закрой глаза, потише дыши, воображением смотри внутрь сердца, своди ум, то есть мысль из головы в сердце. При дыхании говори: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», тихо устами или одним умом. Старайся отгонять помыслы, имей спокойное терпение и чаще повторяй сие занятие».

Потом старец все это мне растолковал, показал тому пример, и мы еще прочли из «Добротолюбия» святого Григория Синаита, да и преподобных Каллиста и Игнатия. Все прочтенное в «Добротолюбии» старец мне растолковал и своим еще словом [8].

Я с восхищением внимательно слушал все, поглощал памятью и старался как можно подробнее все помнить. Так мы просидели всю ночь и не спавши пошли к заутрени.

Старец, отпуская меня, благословил и сказал, чтоб я, учась молитве, ходил к нему с простосердечным исповеданием и откровением, ибо без поверки наставника самочинно заниматься внутренним деланием неудобно и малоуспешно.

Стоя в церкви, я чувствовал в себе пламенное усердие, чтобы как можно прилежнее изучить внутреннюю непре-

станную молитву, и просил о том Бога, чтобы Он помог мне. Потом думал, как же я буду ходить к старцу на совет или на дух с откровением, ведь на гостинице больше трех дней жить не дадут, около пустыни квартир нет?..

Наконец, услышал, что версты за четыре есть деревня. Пришел туда искать себе места, и по счастью моему Бог показал мне удобство. Я нанялся там на все лето у мужика стеречь огород, с тем чтобы и жить мне в шалаше на том огороде одному. Слава Богу! – нашел спокойное место. И так стал жить и учиться по показанному мне способу внутренней молитве, да похаживать к старцу.

С неделю я пристально занимался в уединении моем на огороде изучением непрестанной молитвы, точно так, как растолковал мне старец. Вначале как будто дело и пошло. Потом почувствовал большую тягость, лень, скуку, одолевающий сон, и разные помыслы тучею надвигались на меня. Со скорбью я пошел к старцу и рассказал ему мое положение. Он, любезно встретив меня, начал говорить:

– Это, возлюбленный брат, война против тебя темного мира, которому ничто в нас так не страшно, как сердечная молитва, и потому он всячески старается, чтобы помешать тебе и отвратить от изучения молитвы. Впрочем, и враг действует не иначе, как по воле Божией и попущению, сколько это для нас нужно. Видно, еще потребно тебе испытание к смирению, а потому еще и рано с неумеренным рвением касаться высшего сердечного входа, дабы не впасть в духовное

корыстолюбие.

Вот я тебе прочту об этом случае наставление из «Добротолюбия». Старец отыскал учение преподобного Никифора монашествующего и начал читать: «Если несколько потрудившись, ты не возможешь войти в страну сердечную так, как тебе было растолковано, то сделай, что я скажу тебе, и при помощи Божией найдешь искомое.

Знаешь, что способность словопроизношения находится у каждого человека в гортани. Этой способности, отгоняя помыслы (можешь, если захочешь), и дай беспрестанно говорить: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» – и понудись всегда произносить оное. Если некоторое время в том пробудешь, то отверзется тебе через это и сердечный вход без всякого сомнения. Это дознано по опыту».

– Вот слышишь, как наставляют святые отцы в таком случае, – сказал старец. – А потому ты должен теперь с доверенностью принять заповедь, сколь можно более творить устную Иисусову молитву. Вот тебе четки, по которым совершай на первый раз хоть по три тысячи молитв в каждый день. Стоишь ли, сидишь ли, ходишь ли, или лежишь, беспрестанно говори: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», – не громко и не спешно, и непременно верно выполняй по три тысячи в день, не прибавляй и не убавляй самочинно.

Бог поможет тебе через это достигнуть и непрестанного сердечного действия.

С радостью я принял такое его приказание и пошел в свое

место. Начал исполнять верно и в точности, как научил меня старец. Дня два мне было трудновато, а потом так сделалось легко и желательно, что когда не говоришь молитвы, являлось какое-то требование, чтобы опять творить Иисусову молитву, и она стала произноситься удобнее и с легкостью, не так уже, как прежде с понуждением.

Я объявил об этом старцу, и он приказал мне уже по шести тысяч молитв совершать в день, сказав:

– Будь спокоен и только, как можно вернее, старайся выполнить заповеданное тебе число молитв: Бог сотворит с тобою милость.

Целую неделю я в уединенном моем шалаше проходил каждодневно по шести тысяч Иисусовых молитв, не заботясь ни о чем и не взирая на помыслы, как бы они ни воевали; только о том и старался, чтобы в точности выполнить старцеву заповедь.

И что же? – так привык к молитве, что если и на краткое время перестану ее творить, то чувствую, как бы чего-то не достает, как бы что-нибудь потерял; начну молитву, и опять в ту же минуту сделается легко и отрадно. Когда встретишься с кем-нибудь, то и говорить уже не охотно, и все хочется быть в уединении да творить молитву; так привык к ней в неделю.

Дней десять не видав меня, старец сам пришел навестить меня, я объяснил ему мое состояние. Он, выслушав, сказал:

– Вот ты теперь привык к молитве, смотри же, поддерживай и усугубляй эту привычку, не теряй времени втуне и с

Божией помощью решись не упустительно совершать по двенадцати тысяч молитв в день; держись уединения, вставай пораньше, да ложись попозднее, через каждые две недели ходи ко мне на совет.

Стал я так поступать, как повелел мне старец, и на первый день едва-едва успел в поздний вечер окончить мое двенадцатитысячное правило. На другой день совершил его легко и с удовольствием. Сперва чувствовал при беспрестанном изрекании молитвы усталость, или как бы одеревенение языка и какую-то связанность в челюстях, впрочем приятные, потом легкую и тонкую боль в нёбе рта, далее ощутил небольшую боль в большом пальце левой руки, которой перебирал четки, и воспламенение всей кисти, которое простиралось и до локтя и производило приятнейшее ощущение. Притом все это как бы возбуждало и понуждало к большему творению молитвы. И так дней пять исполнял верно по двенадцать тысяч молитв и вместе с привычкой получил приятность и охоту.

Однажды, рано поутру, как бы разбудила меня молитва [9]. Стал было читать утренние молитвы, но язык неловко их выговаривал, и все желание само собою стремилось, чтобы творить Иисусову молитву. И когда ее начал, как стало легко, отрадно, и язык и уста как бы сами собою выговаривали без моего понуждения!

Весь день провел я в радости и был как бы отрешенным от всего прочего, был как будто на другой земле и с легкостью

окончил двенадцать тысяч молитв в ранний вечер. Очень хотелось и еще творить молитву, но не смел более приказанного старцем. Таким образом и в прочие дни я продолжал призывание имени Иисуса Христа с легкостью и влечением к оному. Потом пошел к старцу на откровение и рассказал ему все подробно. Он, выслушав, начал говорить:

– Слава Богу, что открылась в тебе охота и легкость молитвы. Это дело естественное, приходящее от частого упражнения и подвига, подобно как машина, у которой дадут толчок или форс главному колесу, после долго сама собою действует, а чтобы продлить ее движение, надо оное колесо подмазывать да подталкивать. Вот видишь ли, какими превосходными способностями человеколюбивый Бог снабдил даже и чувственную натуру человека, какие могут являться ощущения и вне благодати и не в очищенной чувственности и в греховной душе, как уже сам ты это испытал? А как превосходно, восхитительно и насладительно, когда кому благоволит Господь открыть дар самодействующей духовной молитвы и очистить душу от страстей? Это состояние неизобразимо, и открытие этой молитвенной тайны есть предвкушение сладости небесной на земле.

Этого сподобляются в простоте любвеобильного сердца ищущие Господа! Теперь разрешаю тебе: твори молитву сколько хочешь, как можно более, все время бодрствования старайся посвящать молитве и уже без счисления призывай имя Иисуса Христа, смиренно предавая себя в волю Божию

и от Него ожидая помощи: верую, что Он не оставит тебя и управит путь твой.

Приняв такое наставление, я все лето провождал в беспрестанной устной Иисусовой молитве и был очень покоен. Во сне почасту грезилось, что творю молитву. А в день, если случалось с кем встретиться, то все без изъятия представлялись мне так любезны, как бы родные, хотя и не занимался с ними. Помыслы сами собою совсем стихли, и ни о чем я не думал, кроме молитвы, к слушанию которой начал склоняться ум, а сердце само собою по временам начало ощущать теплоту и какую-то приятность. Когда случалось приходить в церковь, то длинная пустынная служба казалась краткою и уже не была утомительна для сил, как прежде. Уединенный шалаш мой представлялся мне великолепным чертогом, и я не знал, как благодарить Бога, что Он мне, такому окаянному грешному, послал такого спасительного старца и наставника.

Но недолго я пользовался наставлениями моего любезного и богомудрого старца, – в конце лета он скончался. Я, со слезами простившись с ним, поблагодарив его за отеческое учение меня окаянного, выпросил себе после него на благословение четки, с которыми он всегда молился. Итак, я остался один. Наконец, и лето прошло, и огород убрали. Мне стало негде жить. Мужик рассчел меня, дал мне за сторожбу два целковых да насыпал сумку сухарей на дорогу, и я опять пошел странствовать по разным местам, но уже ходил не так,

как прежде с нуждой; призывание имени Иисуса Христа веселило меня в пути, и все люди стали до меня добрее, казалось, как будто все меня стали любить.

Однажды стал я думать, куда мне девать полученные за хранение огорода деньги и на что мне они? Э! постой! Старца теперь нет, учить некому, куплю себе «Добротолюбие» да и стану по нему учиться внутренней молитве. Перекрестился да и иду себе с молитвой. Дошел до одного губернского города и начал по лавкам спрашивать «Добротолюбие», нашел в одном месте, но и то просят три целковых, а у меня только два, поторговался, поторговался, но купец нисколько не уступил, наконец, сказал: «Пойди вон к этой церкви, там спроси старосту церковного, у него есть старенькая этакая книга, может, он и уступит тебе за два-то целковых». Я пошел и действительно купил за два целковых «Добротолюбие», все избитое и ветхое; обрадовался.

Кое-как починил его, обшил тряпкой и положил в сумку с моей Библией.

Вот теперь так и хожу да беспрестанно творю Иисусову молитву, которая мне драгоценнее и слаще всего в свете. Иду иногда верст по семидесяти и более в день и не чувствую, что иду, а чувствую только, что творю молитву. Когда сильный холод прохватит меня, я начну напряженнее говорить молитву и скоро весь согреюсь. Если голод меня начнет одолевать, я стану чаще призывать имя Иисуса Христа и забуду, что хотелось есть. Когда сделаюсь болен, начнется ломота в

спине и ногах, стану внимать молитве и боли не слышу. Когда кто-либо оскорбит меня, я только вспомню, как наслади-тельна Иисусова молитва; тут же оскорбление и сердитость пройдут и все забуду. Сделался я какой-то полоумный, нет у меня ни о чем заботы, ничто меня не занимает, ни на что бы суетливое не глядел и был бы все один в уединении; только по привычке одного и хочется, чтобы беспрестанно творить молитву, и когда ею занимаюсь, то мне бывает очень весело. Бог знает, что такое со мною делается. Конечно, все это чувственное или, как говорил покойный старец, естественно и искусственно от навыка, но вскоре приступить к изучению и усвоению духовной молитвы внутрь сердца еще не смею, по недостоинству моему и глупости. Жду часа воли Божией, надеясь на молитвы покойного старца моего. Итак, хотя я и не достиг непрестанной самодействующей духовной молитвы в сердце, но, слава Богу, теперь ясно понимаю, что значит изречение, слышанное мною в Апостоле: *непрестанно молитесь.*

Рассказ второй

Долго я странствовал по разным местам с сопутствовавшей мне Иисусовой молитвой, которая ободряла и утешала меня во всех путях, при всех встречах и случаях. Наконец, стал я чувствовать, что лучше бы где-нибудь остановиться на одном месте, как для удобнейшего уединения, так и для изучения «Добротолюбия», которое хотя и понемногу я читал, приютившись на ночлегах или при дневном отдыхе, однако ж было сильное желание, чтоб постоянно углубляться в оное и с верою почерпнуть из него истинное наставление ко спасению души через сердечную молитву. Но как, согласно тому моему желанию, я нигде, ни в какую посильную работу наняться не мог, по причине совершенного невладения левой моей рукой с самого малолетства, а потому, будучи в невозможности иметь постоянный приют, я пошел в сибирские страны, к святителю Иннокентию Иркутскому, с тем намерением, что по лесам и степям сибирским мне идти будет безмолвнее, следственно, и заниматься молитвой и чтением удобнее. Так я и шел да беспрестанно творил устную молитву. Наконец, через непродолжительное время почувствовал, что молитва сама собою начала как-то переходить в сердце, то есть сердце, при обыкновенном своем биении, начало как бы выговаривать внутри себя молитвенные слова за каждым своим ударом, например: 1) Господи, 2) Иисусе, 3) Христе,

и прочее. Я перестал устами говорить молитву[10] и начал с прилежанием слушать, как говорит сердце, помня, как толковал мне покойный старец, как это было приятно. Потом начал ощущать тонкую боль в сердце, а в мыслях такую любовь ко Иисусу Христу, что казалось, что если бы Его увидел, то так и кинулся бы к ногам Его и не выпустил бы их из рук своих, сладко лобызая, до слез, но благодаря, что Он такое утешение о имени Своем подает, по милости и любви Своей, недостойному и грешному созданию Своему.

Далее начало являться какое-то благотворное растепливание в сердце, и эта теплота простиралась и по всей груди. Это обратило меня в особенности к прилежному чтению «Добротолюбия», чтобы как поверять мои ощущения, так и изучить дальнейшее занятие внутренней сердечной молитвой, ибо без этой поверки боялся, чтобы не впасть в прелесть или не принять естественных действий за благодатные, и не возгордиться скорым приобретением молитвы, как слышал я от покойного старца. А потому я шел уже более по ночам, а дни преимущественно провождал в чтении «Добротолюбия», сидя в лесу под деревами. Ах, сколько нового, сколько мудрого и доселе неведомого открыло мне это чтение! Упражняясь в нем, я вкушал такую сладость, какой до сего времени не мог и вообразить. Правда, хотя некоторые места были и непонятны при чтении глупому уму моему, но последствия, происходящие от сердечной молитвы, разъяснили мне непонимаемое; к тому же изредка видывал во сне и покойного

старца моего, который многое толковал мне и все более наклонял несмысленную душу мою ко смирению. С лишком два летних месяца я так блаженствовал. Путешествовал более лесами да проселочными дорогами: если приду в деревню, попрошу себе сумку сухарей да горсть соли, да налью бурачок воды, и опять пошел верст на сто.

По грехам, что ли, окаянной души моей, или по потребности в духовной жизни, или лучшему наставлению и опытности, под конец лета начали являться искушения. А именно: вышел я на большую дорогу, в сумерки нагнали меня два человека, похожие с голов на солдат, стали у меня требовать денег. Когда я отозвался, что не имею ни копейки, они сему не верили и дерзко кричали: «Врешь! Странники много набирают денег!» Один из них, сказав: «Да что с ним много говорить», – ударил меня дубиной в голову так, что я упал без памяти. Не знаю, долго ли я лежал без чувств, но, очнувшись, увидел, что я лежу у леса близ дороги весь раздерганный и сумки моей нет; одни только перерезанные веревки, на которых она была несена. Слава Богу, что не унесли паспорт, который лежал в ветхой моей шапке, на случай скорейшего показания, где требуют. Вставши, я горько заплакал, не столько от головной боли, сколько о том, что лишили книг моих, Библии и «Добротолюбия», бывших в унесенной сумке. Ни день, ни ночь не переставал я скорбеть и плакать. Где теперь моя Библия, которую я с малых лет читал и имел всегда при себе? Где мое «Добротолюбие», из которого

я почерпал и наставление и утешение? Лишился я, несчастный, и первого и последнего сокровища в моей жизни, еще не насытившись оным. Лучше бы меня совсем убили, нежели жить мне без этой духовной пищи! Не могу уже теперь опять приобрести их!

Два дня я едва передвигал ноги, изнемогая от сего горя, а на третий, совсем выбившись из сил, упал под куст и заснул. Вот и вижу во сне, будто я в пустыне в келье старца моего, оплакиваю свое горе.

Старец, утешая меня, начал говорить: «Это тебе урок беспристрастия к вещам земным для удобнейшего шествия к небу. Тебе это попущено для того, чтобы не впал ты в сластолюбие духовное. Бог хочет, чтобы христианин совершенно отвергался своей воли, хотения и всякого к оному пристрастия и совершенно предался бы в Его Божественную волю. Он все случаи устраивает к пользе и спасению человека. *Он хочет, чтобы все люди спаслись* (1 Тим. 2, 4). А потому ободрись и веруй, что *при искушении даст* Господь *и облегчение* (1 Кор. 10, 13). И ты вскоре утешишься гораздо более, чем теперь скорбишь». При этих словах я проснулся, почувствовал укрепление в силах, и в душе как бы какой-то рассвет, и успокоение. Да будет воля Господня, сказал я, перекрестился, встал и пошел. Молитва опять начала действовать в сердце по-прежнему, и дня три я путешествовал спокойно.

Вдруг нагоняю по дороге этап колодников, ведомых за

конвоем. Поравнявшись с ними, я увидел двух человек, которые меня ограбили, и так как они шли с краю прочих, то я упал им в ноги и убедительно просил их сказать, где мои книги. Сначала они не обратили на меня внимания, а потом один из них начал говорить: «Если что-нибудь дашь нам, то скажем, где твои книги. Дай нам целковый». Я побожился, что дам, непременно дам, хоть Христа ради напрошу по миру; вот, коли хотите, возьмите под залог паспорт мой. Они сказали, что книги мои в обозе везутся, с прочими обысканными у них воровскими вещами. «Как же я могу получить их?» – «Проси капитана, который нас провожает».

Я бросился к капитану и объяснил все подробно. Между прочим, он спросил меня: «Неужели ты умеешь читать Библию?» «Не только умею все читать, – ответил я, – но даже и писать: вы увидите на Библии надпись, что она моя, а вот и в паспорте моем означено то же имя и прозвание».

Капитан начал говорить: «Эти мошенники – беглые солдаты, они жили в землянке и многих грабили. Их вчера поймал ловкий ямщик, у которого они хотели отбить тройку. Пожалуй, я выдам тебе твои книги, коли они тут есть, но ты иди с нами на ночлег; вот недалеко, версты четыре, а то не останавливать же этап и обоз для тебя». Я с радостью пошел около верховой капитанской лошади да разговорился с ним. Увидел, что он человек добрый и честный, и уже не молод. Он спрашивал меня, кто я, откуда и куда иду. Я все отвечал по сущей правде, и так мы достигли до ночлежной этапной

избы. Он, отыскав мои книги, мне отдал да и говорит: «Куда ж теперь ночью тебе идти, ночуй вот у меня в прихожей». Я остался.

Получив книги, я так был рад, что не знал, как благодарить Бога; прижал книги к моей груди и держал до тех пор, что руки даже окостенели. Слезы лились из глаз моих от радости, и сердце сладко билось от восторга!

Капитан, смотря на меня, спросил: «Видно, ты любишь читать Библию». Я от радости не мог ничего на это ответить, только плакал. Он продолжал: «Я сам, брат, аккуратно читаю каждый день Евангелие. – При этом расстегнул мундир и снял маленькое Евангелие киевской печати, все окованное серебром. – Сядь-ка, я расскажу тебе, что к этому меня привело. Да подайте-ка нам ужинать!»

Мы сели за стол, капитан начал рассказывать: «Я с молодых лет служил в армии, а не в гарнизоне, знал службу и любим был начальством, как исправный прапорщик. Но лета были молодые, приятели тоже; я по несчастию и приучился пить, да под конец так, что открылась и запойная болезнь; когда не пью, то исправный офицер, а как закурю, то недель шесть в лежку.

Долго терпели мне, наконец, за грубости шефу, сделанные в пьяном виде, разжаловали меня в солдаты на три года с перемещением в гарнизон, а если не исправлюсь и не брошу пить, то угрожали строжайшим наказанием. В сем несчастном состоянии я сколько ни старался воздержаться и сколь-

ко от сего ни лечился, никак не мог покинуть моей страсти, а потому и хотели переместить меня уже в арестантские роты. Услышав это, не знал я, что с собою делать.

В одно время я с раздумьем сидел в казармах. Вдруг вошел к нам какой-то монах с книжкой для сбора на церковь. Кто что мог, – подали. Он, подошедши ко мне, спросил: «Что ты такой печальный?» Я, разговорившись с ним, пересказал мое горе. Монах, сочувствуя моему положению, начал: «Точно то же было с моим родным братом, и вот что ему помогло: его духовный отец дал ему Евангелие да и накрепко приказал, чтобы он, когда захочет вина, то нимало не медля прочел бы главу из Евангелия; если и опять захочет, то и опять читал бы следующую главу. Брат мой стал так поступать и в непродолжительное время страсть к питию в нем исчезла, и теперь вот уже пятнадцать лет капли хмельного не берет в рот. Поступай-ка и ты так, увидишь пользу. У меня есть Евангелие, пожалуй, я принесу тебе».

Выслушав это, я сказал ему: «Где же помочь твоему Евангелию, когда никакие старания мои, ни лекарственные пособия не могли удержать меня?» Я сказал это так потому, что никогда не читывал Евангелия. «Не говори этого, – возразил монах, – уверяю тебя, что будет польза». На другой день действительно монах принес мне вот это Евангелие. Я раскрыл его, посмотрел, почитал да и говорю: «Не возьму я его, тут ничего не поймешь, да и печать церковную читать я не привык». Монах продолжал убеждать меня, что в самых словах

Евангелия есть благодатная сила, ибо писано в нем то, что сам Бог говорил. «Нужды нет, что не понимаешь, только читай прилежно. Один святой сказал: «Если ты Слова Божия не понимаешь, так бесы понимают, что ты читаешь, и трепещут», а ведь страсть пьянственная непременно по возбуждению бесов. Да вот тебе еще скажу: Иоанн Златоустый пишет, что даже та самая храмина, в которой хранится Евангелие, устрашает духов тьмы и бывает неудобноприступна для их козней». Я не помню, что-то дал оному монаху, взял у него то Евангелие, да и положил его в сундучок с прочими моими вещами и забыл про него. Спустя несколько времени пришло время мне запить, смерть захотелось вина, и я поскорее отпер сундучок, чтобы достать деньги и бежать в корчму.

Первое попалось мне в глаза Евангелие, и я вспомнил живо все то, что говорил мне монах, развернул и начал читать с начала 1-ю главу Матфея. Прочитав ее до конца, именно ничего не понял, да и вспомнил [11], что монах говорил: «Нужды нет, что не понимаешь, только читай прилежно». Дай, думаю, прочту другую главу, прочел, и стало понятнее. Дай же и третью; как только ее начал, вдруг звонок в казарме: к местам на койки. Следовательно, уже идти за ворота было нельзя, так я и остался.

Встав поутру и, расположившись идти за вином, подумал: «Прочту главу из Евангелия, – что будет?» Прочел и не пошел. Опять захотелось вина, я еще стал читать, и сделалось легче. Это меня ободрило, и при каждом побуждении к вину

я стал читать по главе из Евангелия. Что дальше, то все было легче, наконец, как только окончил всех четырех евангелистов, то и страсть к питию совершенно прошла, и сделалось к ней омерзение. И вот ровно двадцать лет я совершенно не употребляю никакого хмельного напитка.

Все удивлялись такой во мне перемене: по прошествии трех лет опять возвели меня в офицерский чин, а потом в следующие чины и, наконец, сделали меня командиром. Я женился, жена попалась добрая, нажили состояние, и теперь, слава Богу, живем, да бедным помогаем, по силе мочи, странствующих принимаем. Вот уже и сын у меня офицером и хороший парень.

Слушай же, с тех пор как я исцелился от запоя, дал себе клятву каждый день, во всю мою жизнь читать Евангелие, по целому евангелисту в сутки, невзирая ни на какие препятствия. Так теперь и поступаю. Если очень много бывает дела по должности и утомлюсь очень сильно, то, вечером легши, заставлю прочесть надо мною целого евангелиста жену мою или сына моего и так неупустительно выполняю сие мое правило. В благодарность и во славу Божию я это Евангелие оправил в чистое серебро и ношу всегда на груди моей».

Со сладостью я выслушал сии речи капитана да и сказал ему: «Такой же пример видел и я: в нашем селе на фабрике один мастеровой был очень искусный в своем деле, добрый и дорогой мастер, но по несчастью тоже запивал, да и часто. Один богобоязненный человек посоветовал ему, чтобы

он, когда захочется ему вина, проговаривал по тридцать три Иисусовых молитвы, в честь Пресвятой Троицы и по числу тридцатитрехлетней земной жизни Иисуса Христа. Мастеровой послушался, стал это исполнять и вскоре совершенно кинул пить. Да еще что через три года ушел в монастырь».

«А что выше, – спросил капитан, – Иисусова молитва или Евангелие?» – «Все одно и то же, – отвечал я, – что Евангелие, что Иисусова молитва, ибо Божественное имя Иисуса Христа заключает в себе все Евангельские истины. Святые отцы говорят, что Иисусова молитва есть сокращение всего Евангелия».

Наконец, мы помолились, капитан начал читать Евангелие Марка с начала, а я слушать и творить в сердце молитву. Во втором часу за полночь капитан окончил евангелиста, и мы разошлись на покой.

По обыкновению моему я встал рано поутру, все еще спали, и как только начало светать, я кинулся к моему любимому «Добротолюбию». С какой радостью я раскрыл его! Как будто увиделся с родным отцом, бывшим в далекой стороне, или как бы с другом, из мертвых воскресшим. Я лобызал его и благодарил Бога, возвратившего мне оное. Немедленно я начал читать Феолипта Филадельфийского, во второй части «Добротолюбия». Удивило меня его наставление, в котором он предлагает в одно и то же время, одному и тому же человеку отправлять три разнородных дела: сидя в трапезе, говорит он, телу давай пищу, слуху чтение, уму же молитву.

Но воспоминание о прошедшем всерадостном вечере опытно на самом деле разрешило мне мысль сию. И мне открылась здесь тайна, что ум и сердце не одно и то же.

Когда встал капитан, я вышел, чтобы поблагодарить за его милости и проститься с ним. Он напоил меня чаем, дал мне целковый и простился. Итак, я пошел в путь мой, радуясь.

Пройдя с версту, вспомнил, что я обещал солдатам целковый, который неожиданно теперь у меня есть. Отдать ли мне его им или нет? Одна мысль говорила мне: «Они тебя побили и ограбили, да и употребить его им в свою пользу нельзя, ибо они под стражей». А другая мысль представляла другое: «Вспомни, что в Библии написано: *если враг твой голоден, накорми его* (Рим. 12, 20). Да и Сам Иисус Христос говорит: *любите врагов ваших* (Мф. 5, 44), и еще: *кто захочет взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду* (Мф. 5, 40). Убедившись этим, я вернулся, и только что подхожу к этапу, всех колодников вывели, чтоб гнать на следующую станцию; я скоренько подбежал, сунул в руки бывший у меня целковый да сказал: «Кайтеся и молитеся: Иисус Христос человеколюбив, Он вас не оставит!» И с этим удалился от них и пошел в другую сторону по своей дороге.

Пройдя верст пятьдесят по большой дороге, вздумал я для большего уединения и удобнейшего чтения свернуть на проселок. Долго я шел лесами, изредка кое-где попадались и небольшие деревни. Иногда по целому дню просиживал в лесу, прилежно читая «Добротолюбие», многое и дивное по-

знание почерпал я из него. Сердце мое распалялось к соединению с Богом, посредством внутренней молитвы, которую изучить я стремился при руководстве и проверке «Добротолюбием», и вместе с тем скорбел, что не нахожу еще пристанища, где спокойно можно было бы постоянно заняться чтением.

В это время также читал я и мою Библию и чувствовал, что начал понимать ее яснее, не так, как прежде, когда весьма многое казалось мне непонятным и я часто встречал недоумение. Справедливо говорят святые отцы, что «Добротолюбие» – ключ к отверзению тайн в Священном Писании. При руководстве оным, я стал отчасти понимать сокровенный смысл Слова Божия, мне начало открываться, что такое внутренний *сокровенный сердца человек* (1 Петр. 3, 4), что – истинная молитва, что – поклонение духом (ср. Ин. 4, 23), что – *Царствие внутрь нас* (Лк. 17,21), что – неизреченное ходатайство совоздыхающего Духа Святого (ср. Евр. 9, 15), что – *будете во мне* (Ин. 14, 20), что – *дай мне твое сердце,* что значит *облечься во Христа* (Рим. 13, 14), что значит *обручение Духа в сердцах наших,* что – взывание сердечное: *«Авва Отче!»* (Мк. 14, 36) и прочее и прочее. Когда при этом я начинал молиться сердцем, все окружающее меня представлялось мне в восхитительном виде: деревья, травы, птицы, земля, воздух, свет – все как будто говорило мне, что существуют для человека, свидетельствуют любовь Божию к человеку и все молится, все воспевает славу Богу. И я понял

из этого, что называется в «Добротолюбии» «ведением словес твари», и увидел способ, по которому можно разговаривать с творениями Божиими.

Много времени я так путешествовал. Наконец, зашел в такое глухое место, что дня три не попадалось ни одной деревни. Сухари мои все вышли, и я гораздо приуныл, как бы не умереть с голоду. Как только начал молиться сердцем, уныние прошло, весь я возложился на волю Божию и сделался весел и покоен. Несколько пройдя по дороге, лежавшей возле огромного леса, я увидел впереди меня выбежавшую из оного леса дворовую собаку; я поманил ее, и она, подойдя, начала около меня ласкаться; обрадовался я и подумал: «Вот и милость Божия! Непременно в этом лесу пасется стадо, и, конечно, это ручная собака пастуха или, может быть, охотник ходит за охотою. Так ли, сяк ли, но, по крайней мере, могу хотя бы немного выпросить хлеба, ибо другие сутки не ел, или же могу расспросить, где поблизости есть селение». Повертевшись около меня и видя, что нечего у меня взять, собака опять побежала в лес по той узенькой тропинке, по которой выходила на дорогу. Я последовал за нею, пройдя сажен двести, между деревьями увидел, что собака ушла в нору, из которой, выглядывая, начала лаять.

Вот из-за толстого дерева выходит мужик, худой, бледный, средних лет. Он спросил меня, как я сюда зашел? Я его спросил, зачем он тут находится? И мы ласково разговорились. Мужик позвал меня в свою землянку и объявил мне,

что он полесовщик и стережет этот лес, проданный на сруб-ку. Он предложил мне хлеб и соль, и завелась между нами беседа. «Завидую я тебе, – сказал я, – что ты так удобно можешь жить в уединении от людей, не так, как я, – скитаюсь с места на место да толкусь между всяким народом». «Если есть охота, – говорит он, – то, пожалуй, и ты здесь живи, вон недалеко есть старая землянка прежнего сторожа, она хотя пообвалилась, но летом-то еще жить можно. Паспорт у тебя есть. Хлеба с нас будет, мне приносят каждую неделю из нашей деревни. Вот и ручеек, который никогда не пересыхает. Я сам, брат, лет уже десять ем только один хлеб да пью воду, и больше никогда ничего. Да, вот в чем дело, осенью как отработаются мужики, то наедет сюда человек двести работников, и этот лес срубят, тогда и мне здесь будет не у чего, да и тебе не дадут жить здесь».

Выслушавши все это, я так возрадовался, что так бы и упал ему в ноги. Не знал, как благодарить Бога за такую ко мне милость. О чем скорбел, чего желал, то теперь неожиданно получаю. До глубокой осени еще с лишком четыре месяца, и потому я могу в это время воспользоваться безмолвием и спокойствием, удобным к внимательному чтению «Добротолюбия», для изучения и достижения непрестанной молитвы в сердце. И так я с радостью остался до времени жить в указанной мне землянке. Мы еще более разговорились с приютившим меня простым братом, он стал рассказывать мне свою жизнь и свои мысли.

«Я был, – говорил он, – в деревне своей не последний человек, имел мастерство, красил кумач, да синил крашенину, и жил в довольстве, хотя и не без греха: много обманывал по торговле, божился понапрасну, ругался поматерну, напивался и дрался. Был в нашем селе старый дьячок, у которого была старинная-престаринная книжка о Страшном Суде. Он, бывало, ходит по православным да и читает, а ему за это дают деньги; хаживал и ко мне. Бывало, дашь ему копеек десять, да вплоть до петухов [12]. Вот я, бывало, и слушаю, сидя за работой, а он читает, какие нам будут муки в аду, как изменятся живые и мертвые воскреснут, как Бог сойдет судить, как Ангелы в трубы затрубят, и какой огонь, смола будут, и как червь грешников будет есть.

В одно время, когда я слушал это, мне стало страшно, я подумал: «Уж муки мне не миновать! Постой, примусь душу спасать, может быть, и отмолю мои грехи». Подумал-подумал, да и бросил мой промысел, избу продал и, как был одинок, пошел в полесовщики с тем, чтобы мир давал мне хлеб, одежду да восковые свечи на богомолье.

Вот так и живу здесь более 10 лет, ем только по разу в день, и то один хлеб с водой; каждую ночь встаю с первыми петухами и до свету кладу земные поклоны. Когда молюсь, затепливаю по семи свечек перед образами. Днем же, когда обхаживаю лес, ношу вериги в два пуда на голом теле. Поматерну не бранюсь, вина и пива не пью, и не дерусь ни с кем, баб и девок отроду не знаю.

Сначала мне так жить было охотнее, а под конец нападают на меня неотступные мысли. Бог знает, грехи-то отмолишь ли, а жизнь-то трудная. Да и правда ли в книжке-то написана? Где, кажется, воскреснуть человеку? Иной уже умер лет сто или больше, его уже и праха-то нет. Да и кто знает, будет ли ад, нет ли? Ведь никто с того света не приходил, кажется, как человек умрет, да сгниет, то так и пропадет без вести. Может быть, книжку-то написали попы да начальники сами, чтоб устрашить нас, дураков, чтобы мы жили поскромнее. И так и на земле-то живешь в трудах и ничем не утешишься, и на том свете ничего не будет, так что же из этого? Не лучше ли хоть на земле-то пожить попрохладнее и повеселее? Такие мысли борют меня, продолжал он, и боюсь, не приняться бы опять за прежний мастеровой промысел!»

Слушая это, я жалел о нем и думал сам себе: «Говорят, что одни ученые и умные бывают вольнодумцами и ничему не верят, вот и наша братия – простые мужики, какие замышляют неверия! Видно, темному миру попущено ко всем иметь доступ, а на простых-то, может быть, он нападает и удобнее. Надо сколь можно умудряться и укрепляться против душевного врага Словом Божиим».

Итак, чтобы сколько можно помочь и поддержать веру в том брате, я достал из сумки «Добротолюбие», отыскал 109-ю главу преподобного Исихия, прочел и начал ему растолковывать, что воздержание от грехов ради страха мук неуспешно и неплодно, и невозможно душе освободиться от мыс-

ленных грехов ничем иным, кроме хранения ума и чистоты сердца. Итак, все это приобретается внутренней молитвой, и не только, прибавил я еще, ради страха адских мук, но даже и ради желания Царства Небесного, если кто станет совершать спасительные подвиги, то и это святые отцы называют делом наемническим. Они говорят, что боязнь муки – путь раба, а желание награды в Царствии – путь наемника. А Бог хочет, чтоб мы шли к Нему путем сыновним, то есть из любви и усердия к Нему вели себя честно и наслаждались бы спасительным соединением с Ним в душе и сердце.

Сколько ни изнуряй себя, какие хочешь проходи телесные труды и подвиги, но если не будешь иметь всегда Бога в уме да непрестанной Иисусовой молитвы в сердце, то ты никогда не успокоишься от помыслов и всегда будешь удобопреклонен к греху, при малейших даже случаях. Примись-ка, брат, беспрестанно творить Иисусову молитву, ведь тебе это можно и удобно в таком уединении; ты скорую увидишь пользу. Не будут и помыслы безбожные приходить, откроется тебе и вера и любовь к Иисусу Христу, узнаешь, как и мертвые воскреснут, и Страшный Суд покажется тебе так, как истинно он будет. А в сердце-то будет такая легкость и радость от молитвы, что ты удивишься и не будешь уже скучать да смущаться спасительным житием твоим.

Далее, как мог, я растолковал ему, как начать и как продолжать беспрестанно Иисусову молитву, и как заповедует о том Слово Божие, и поучают святые отцы. Он, по-видимому,

как бы изъявлял на то согласие и поуспокоился. После этого я, расставшись с ним, затворился в указанной мне ветхой землянке.

Боже мой! Какую я почувствовал радость, спокойствие и восхищение, как только переступил за порог этой пещеры или, лучше сказать, могилы. Она представлялась мне великолепным царским чертогом, исполненным всякого утешения и веселия. С радостными слезами благодарил я Бога и размышлял: «Вот теперь-то уже, при таковом покое и тишине, надо пристально заняться своим делом и просить от Господа вразумления».

Итак, начал я, во-первых, читать «Добротолюбие», все по порядку, с начала до конца, с великим вниманием. В непродолжительном времени прочел все и увидел, какая мудрость, святыня и глубина в нем содержатся. Но как в нем писано о многих и разных предметах, и разнообразными наставлениями святых отцов, то я и не мог всего понять и свести в одно место всего того, что хотелось мне узнать, в особенности о внутренней молитве, дабы почерпнуть из того способ к изучению непрестанной самодействующей молитвы в сердце. А этого очень хотелось, по заповеди Божией через апостола: *ревнуйте о дарах больших* (1 Кор. 12, 31) – и еще: *Духа не угашайте* (1 Фес. 5, 19). Думал, думал, как быть? Ума моего не хватает, понятия тоже, растолковать некому. Начну докучать Господу молитвой, авось Господь и вразумит как-нибудь. После этого я целые сутки ничего не делал, как только

был в непрестанной молитве, не переставая ни на малейшее время; мысли мои успокоились, и я заснул.

Вот и вижу во сне, будто я в келье покойного старца моего, и он толкует «Добротолюбие» да и говорит: «Сия святая книга исполнена великой мудрости. Она есть таинственное сокровище разумений сокровенных судеб Божиих. Не по всем местам и не каждому она доступна, однако ж по мере каждого разумевателя содержит таковые наставления, для мудрых – мудрые, для простых – простые. А потому вам, простякам, должно читать ее не тем порядком, как расположены в ней книги святых отцов одна за другою. Там этот порядок богословский, а неученому человеку, хотящему научиться из «Добротолюбия» внутренней молитве, должно читать его следующим порядком: во-первых, прочесть книгу Никифора монашествующего (во 2-й части); потом книгу Григория Синаита всю, кроме кратких глав; Симеона Нового Богослова о трех образах молитвы и слово о вере; и затем книгу Калл иста и Игнатия. В этих отцах содержится полное наставление и учение о внутренней молитве сердца, понятное для каждого. А если еще понятнейшее наставление о молитве желаешь видеть, то найди в 4-й части образ молитвы вкратце святейшего Патриарха Каллиста Константинопольского». Я, как будто держа в руках мое «Добротолюбие», начал отыскивать сказанное наставление, но никак не мог вскоре найти оное. Старец сам, перевернув несколько листов, сказал: «Вот оно! Я тебе его замечу», – и, подняв с земли уголь, подчеркнул

оным на поле книги, против найденной статьи. Все, что старец говорил, я внимательно слушал и старался как можно тверже и подробнее помнить.

Проснулся я, и так как еще не рассветало, то лежал и повторял в памяти все виденное мною во сне и что говорил мне старец. Наконец, начал размышлять: «Бог знает, душа ли покойного старца является мне или собственные мысли так подстраиваются, ибо я часто и много думаю о «Добротолюбии» и о старце?» С этим недоумением я встал, начинало уже светать. И что же? Вижу на камне, который был вместо стола в моей землянке, разогнутое «Добротолюбие» на том самом месте, которое указывал мне старец, и подчеркнутое угольком, точно так, как я видел во сне, даже и самый уголь лежал при книге. Это изумило меня, ибо твердо помню, что с вечера книги тут не было, она, свернутая, лежала у меня в головах, и также верно знаю, что прежде никакой заметки на показанном месте не было. Этот случай уверил меня в истине сновидения и в богоугодности блаженной памяти старца моего. Вот я и принялся читать «Добротолюбие» по тому самому порядку, который указал мне старец. Прочел раз, прочел то же и в другой, и это чтение распаляло в душе моей охоту и усердие, чтобы все прочтенное испытать на деле. Мне понятно и ясно открылось, что значит внутренняя молитва, какие средства к достижению оной, и что от нее бывает, и как она наслаждает душу и сердце, и как распознавать сию сладость, от Бога ли она, или от естества, или от

прелести.

Итак, прежде всего я приступил к отыскиванию места сердечного, по наставлению Симеона Нового Богослова. Закрыв глаза, смотрел умом, то есть воображением в сердце, желая представить себе, как оно есть в левой половине груди, и внимательно слушал его биение. Так занимался я сперва по получасу, несколько раз в день; вначале ничего не примечал, кроме темноты, потом в скором времени начало представляться сердце и означаться движение в оном, далее, я начал вводить и изводить Иисусову молитву вместе с дыханием в сердце, по наставлению святого Григория Синаита, Каллиста и Игнатия, то есть втягивая в себя воздух, с умственным смотрением в сердце, воображал и говорил: «Господи Иисусе Христе», а с испущением из себя воздуха: «Помилуй мя». Сперва я этим занимался по часу, и по два, потом чем дальше, тем чаще стал так упражняться и, наконец, почти целый день провождал в этом занятии. Когда нападала тягость, или леность, или сомнение, я немедленно начинал читать в «Добротолюбии» те места, которые наставляют о сердечном делании, и опять являлась охота и усердие к молитве. Недели через три начал чувствовать боль в сердце, потом некую приятнейшую теплоту в оном, отраду и спокойствие. Это возбуждало и заохочивало меня более и более с прилежностью упражняться в молитве, так что все мысли мои были этим заняты и я ощущал великую радость.

С того времени я начал чувствовать разные повременные

ощущения в сердце и в уме. Иногда бывало, что как-то насладительно кипело в сердце, в нем такая легкость, свобода и утешение, что я весь изменялся и прелагался в восторг. Иногда чувствовалась пламенная любовь к Иисусу Христу и ко всему созданию Божию. Иногда сами собой лились сладкие слезы благодарения Господу, милующему меня, окаянного грешника. Иногда прежнее глупое понятие мое так уяснялось, что я легко понимал и размышлял о том, о чем прежде не мог и вздумать. Иногда сердечная сладостная теплота разливалась по всему составу моему и я умиленно чувствовал при себе везде присутствие Божие. Иногда ощущал внутри себя величайшую радость от призывания имени Иисуса Христа и познавал, что значит сказанное Им: *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21).

Испытывая таковые и подобные им насладительные утешения, я заметил, что последствия сердечной молитвы открываются в трех видах: в духе, в чувствах и откровениях. В духе, например, – сладость любви Божией, внутренний покой, восхищение ума, чистота мыслей, сладостное памятование Бога. В чувствах – приятное растепливание сердца, наполнение сладостью всех членов, радостное кипение в сердце, легкость и бодрость, приятность жизни, нечувствительность к болезням и скорбям. В откровениях – просветление разума, понятие Священного Писания, познавание словес твари, отрешение от сует и познание сладости внутренней жизни, уверение в близости Божией и любви Его к нам.

Месяцев пять проведя уединенно в таком молитвенном занятии и наслаждении помянутыми ощущениями, я так привык к сердечной молитве, что упражнялся в ней беспрестанно и, наконец, почувствовал, что молитва уже сама собою, без всякого со стороны моего побуждения производится и изрекается в уме моем и сердце не только в бодрственном состоянии, но даже и во сне действует точно так же и ни от чего не прерывается, – не перестает ни на малейшую секунду, что бы я ни делал. Душа моя благодарила Господа, и сердце истаявало в непрестанном веселии.

Настало время рубки леса, начал стекаться народ, и я должен был оставить безмолвное мое жилище. Поблагодаривши полесовщика, я помолился, поцеловал тот клочок земли, на котором Бог удостоил меня, недостойного, своей милости, надел сумку с книгами да и пошел. Весьма долго я скитался по разным местам, покуда добрел до Иркутска.

Сердечная, самодействующая молитва была утешением и отрадой во всем пути, при всех встречах, она никогда не переставала услаждать меня, хотя и в разных степенях, где бы я ни находился, что бы ни делал, чем бы ни занимался, ничему она не мешала и ни от чего не умалялась. Если что работаю, а молитва сама собою в сердце, то и дело идет скорее. Если что внимательно слушаю или читаю, а молитва все не перестает, то и я в одно и то же время чувствую и то и другое, точно как будто я раздвоился или в одном теле моем две души. Боже мой! Как таинственен человек!..

Как величественны дела Твои, Господи! Все премудро Ты сотворил (Пс. 103, 24). Много также встречалось на пути моем чудных случаев и происшествий [13]. Если все их начать рассказывать, то и в сутки не окончить. Да вот, например: однажды зимой под вечер шел я один леском в одну деревню ночевать, которая уже была версты за две в виду. Вдруг напал и кинулся на меня большой волк. У меня были в руках старцевы шерстяные четки (я всегда имел их при себе). Вот я и отмахнул этими четками волка. И что же? Четки вырвались у меня из рук и зацепились как-то прямо за шею волка, волк бросился от меня прочь и, прыгнув через терновый куст, запутался задними лапами в кусту, а четками-то зацепился за сук сухого дерева да и начал биться, но высвободиться ему было неудобно, ибо четки стянули ему шею. Я с верою перекрестился да и пошел с намерением высвободить волка, а более для того, что думал, если он оборвет четки да убежит с ними, то и драгоценные мои четки пропадут. Только что я подошел и взялся за четки, действительно волк прервал их и побежал без вести. И так я, поблагодарив Бога и помянув блаженного старца моего, благополучно дошел до деревни, пришел на постоялый двор и выпросился ночевать. Вошел в избу. В переднем углу за столом сидели двое, один старичок, другой толстый средних лет, по виду как будто не простые. Они кушали чай. Я спросил мужика, бывшего при их лошади, кто они такие? Тот сказал мне, что старичок – учитель народного училища, а другой – писарь земского су-

да: оба благородные. Я везу их на ярмарку, верстах в двадцати отсюда.

Посидевши несколько, я выпросил у бабы иголку с ниткой, подошел к свечке да и стал сшивать разорванные мои четки. Писарь посмотрел да и говорит: «Видно, ты прилежно бил поклоны, что и четки-то разорвал?» – «Не я разорвал, а волк…» – «Как, разве волки-то молятся», – сказал, засмеявшись, писарь. Я рассказал им подробно, как было дело и как драгоценны для меня эти четки. Писарь опять засмеялся и стал говорить: «У вас, пустосвятов, всегда чудеса! А что тут святого? Просто ты швырнул в него, а волк испугался да ушел; ведь и собаки и волки швырков боятся, и зацепиться в лесу немудрено; мало ли что бывает на свете, так всему и верить, что чудеса?»

Услышав это, учитель начал с ним разговор: «Не заключайте, сударь, так! Вам неизвестна ученая часть… А я вижу в повествовании этого мужика таинство натуры, и чувственной и духовной…» – «Как же это так?» – спросил писарь. – «А вот видите, вы хотя не имеете дальнейшего образования, но, конечно, изволили учить краткую священную историю Ветхого и Нового Завета, изданную по вопросам и ответам для училищ. Помните ли, что когда первосозданный человек Адам был в невинном святом состоянии, тогда все животные и звери были ему в покорении, они со страхом подходили к нему, и он нарицал им имена.

Старец, чьи эти четки, был свят. А что значит святость?

Не что иное, как через подвиги возвращение невинного состояния первого человека в грешном человеке. Когда освящается душа, освящается и тело. Четки всегда бывали в руках освященного, следственно, через прикосновение к ним рук и испарений его привита к ним святая сила – сила невинного состояния первого человека. Вот таинство натуры духовной!.. Сию силу по преемству естественно ощущают все животные и доныне, и ощущают посредством обоняния, ибо нос у всех зверей и животных есть главнейшее орудие чувств. Вот таинство натуры чувственной!..» – «У вас, ученых, все силы да премудрости, а мы так все попросту: вот как нальешь рюмку водки да хлопнешь, так и будет сила», – сказал писарь да и пошел к шкафу. «Это дело ваше, – сказал учитель, – а уже ученые ведения прошу предоставить нам».

Мне понравилось, как говорил учитель, и я, подойдя к нему, сказал: «Осмелюсь, батюшка, еще нечто сказать вам о моем старце», – да и объяснил ему, как он мне виделся во сне, как учил и как подчеркнул на «Добротолюбии». Учитель все это выслушал со вниманием. А писарь, лежа на лавке, ворчал: «Правду говорят, что с ума сходят да зачитываются Библией. Вот оно так и есть! Какой леший будет тебе чертить по ночам на книгах? Просто сам во сне уронил на пол книгу да и замарал в саже… Вот тебе и чудо? Ой уж эти пройдохи: много мы, брат, видали вашей братии!»

Пробормотавши это, писарь повернулся к стене и заснул.

Я, слыша это, обратился к учителю да и сказал: «Вот, если

угодно, то я покажу вам и ту самую книгу, на которой правильно подчеркнуто, а не намарано сажей». Вынул из сумки «Добротолюбие» да и показываю, говоря: «Удивляюсь этой премудрости, как бестелесная душа могла взять уголь и писать?..» Учитель, посмотрев заметку, начал говорить: «И это таинство духов. Я сие объясню тебе. Вот видишь, когда духи являются в телесном виде живому человеку, они набирают и составляют себе осязаемое тело из воздуха и световой материи, и когда совершают свое явление, опять возвращают занятое ими в те стихии, из коих был почерпнут состав их тела. И так как воздух имеет упругость, сжимательную и растягательную силу, то душа, облаченная в него, может все брать, действовать и писать. Да какая это у тебя книга? Дай-ка я посмотрю! – Он разогнул, и открылись Симеона Нового Богослова слово и речь. – А, должно быть, книга богословская. Я никогда ее не видывал…» – «Эта книга, батюшка, вся почти состоит из учения о внутренней сердечной молитве во имя Иисуса Христа, оно раскрыто здесь во всей подробности двадцатью пятью святыми отцами». – «А внутреннюю молитву я знаю», – сказал учитель… Я поклонился ему в ноги и просил сказать мне что-нибудь о внутренней молитве.

«А вот что в Новом Завете сказано, что человек и вся тварь суете повинуется не волею, и все естественно воздыхает, стремится и желает войти в свободу чад Божиих, и это таинственное воздыхание тварей и врожденное стремление душ есть внутренняя молитва. Ей нечего учиться, она есть

во всех и во всем!..» – «А как же обрести, открыть и восчувствовать ее в сердце, сознать и принять волей своей, достигнуть, чтоб она явственно действовала, наслаждала, просвещала и спасала бы?» – спросил я. «Не помню, писано ли где об этом в богословских трактатах», – ответил учитель. «Вот здесь, здесь все это написано», – указал я… Учитель взял карандаш, записал название «Добротолюбия» да и говорит: «Непременно выпишу эту книгу из Тобольска и рассмотрю ее». И так мы расстались.

Пошедши, я благодарил Бога за беседу с учителем, а о писаре молился, чтобы Господь устроил, хотя бы однажды, прочесть ему «Добротолюбие» и вразумил бы его во спасение.

А то еще раз весною, проходя в одно село, случилось остановиться мне у священника. Он был человек добрый и одинокий. Я провел у него три дня. Рассмотрев меня в сие время, он стал мне говорить: «Останься у меня, я положу тебе плату, мне нужен человек добросовестный; ты видел, что у нас строится при старой деревянной церкви новая каменная. Не могу найти верного человека, который бы посмотрел за рабочими да сидел в часовне для сбора подаяния на постройку, а вижу, что ты был бы к этому способен, да и тебе по твоему направлению было бы жить хорошо; сидел бы один в часовне да молился Богу, там есть и каморка уединенная для сторожа. Останься, пожалуйста, хотя бы только на то время, покуда церковь окончится».

Хотя и долго я отказывался, но по убедительной прось-

бе священника должен был согласиться. Так и остался на лето до осени. Вот и стал жить в часовне. Сначала мне было спокойно и удобно упражняться в молитве, хотя и много народа приходило в часовню, особенно в праздничные дни, иные молиться, иные позевать, а иные стащить что-нибудь со сборной тарелки. И как я по временам читывал то Библию, то «Добротолюбие», то некоторые из приходивших, видя это, заводили со мной разговор, другие просили прочесть им что-нибудь.

По некотором времени я заметил, что одна какая-то крестьянская девица часто ходила в часовню и подолгу молилась Богу. Прислушавшись к ее бормотанью, я узнал, что она читает какие-то странные молитвы, а иные совсем перековерканные. Я спросил, кто ее этому научил. Она сказала, что мать, которая была церковная, а отец ее раскольник по беспоповщине. Пожалевши о всем этом, я советовал ей, чтоб она правильно, по преданию Святой Церкви, читала молитвы, и потому толковал ей «Отче наш» да «Богородице Дево, радуйся». А наконец, сказал: «Твори-ка ты почаще да побольше Иисусову молитву, она доходнее всех молитв до Бога и ты получишь чрез нее спасение души». Девица приняла совет мой со вниманием и начала так поступать в простоте. И что же? После непродолжительного времени объявила мне, что привыкла к Иисусовой молитве, что чувствует влечение беспрестанно, если бы было можно, ею заниматься и когда молится, то чувствует приятность и по окончании также ра-

дость и охоту опять молиться. Я порадовался этому и советовал ей далее и более продолжать молитву во имя Иисуса Христа.

Время подходило к концу лета, многие из приходящих в часовню начали приходить и ко мне, не только уже за чтением и советами, но и с разными житейскими скорбями, и даже за узнаванием отыскивания потерь и пропажей, видно, иные почли меня за ворожею. Наконец, и помянутая девица в горести пришла за советом, как ей быть. Отец вознамерился отдать ее замуж поневоле за раскольника, тоже беспоповщинского, и венчать будет мужик. «Какой же это законный брак, – воскликнула она, – это все равно что блуд! Я хочу бежать, куда глаза глядят». Я сказал ей: «Куда же ты убежишь? Ведь опять найдут же тебя. В нынешнее время нигде не укроешься без вида, везде сыщут, а лучше молись поусерднее о том Богу, чтобы Он своими судьбами разрушил намерение твоего отца и сохранил бы душу твою от греха и от ереси. Это будет надежнее твоего бегства».

Время шло далее, и мне стало невыносимо шумно и соблазнительно. Наконец, кончилось и лето, я решился оставить часовню и продолжать, как и прежде, путь мой. Пришел к священнику и начал говорить ему: «Вам, батюшка, известно мое устроение. Мне нужна тишина для занятия молитвой, а здесь очень для меня развлечение и вредно. Вот я исполнил вам послушание, лето прожил, теперь меня отпустите и благословите на уединенный путь».

Священнику не хотелось отпускать меня, и он начал меня уговаривать: «Что тебе мешает и здесь молиться? Ведь дела у тебя никакого нет, кроме того, чтобы сидеть в часовне, а хлеб готовый у тебя есть. Пожалуй, там день и ночь молись, живи-ка, брат, с Богом! Ты способен и полезен для этого места, с приходящими пустяков не болтаешь, а церкви Божией приносишь доход и собираешь верно. Это угоднее перед Богом, нежели твоя уединенная молитва. Что тебе в уединении, с народом-то молиться еще веселее. Бог создал человека не для того, чтоб он одного себя только знал, но чтоб люди друг другу помогали, друг друга вели ко спасению, кто чем может. Посмотри-ка на святых и на вселенских учителей, они день и ночь хлопотали и пеклись о Церкви, да и повсюду проповедовали, а не сидели в уединении и не скрывались от людей».

– Всякому, батюшка, свое Бог дает дарование, много было проповедников, много было и отшельников. Кто какую и к чему находил в себе наклонность, тот так и поступал и веровал, что сам Бог указывал в этом ему спасительный путь. А как вы мне рассудите, что многие из святых оставляли и сан святительский, настоятельский и священнический и убегали в уединенные пустыни, дабы не смущаться среди народа? Так святой Исаак Сирин бежал от своей епископской паствы, так преподобный Афанасий Афонский кинул свою многочисленную обитель, и именно потому, что те места были для них соблазнительные и что они истинно верили гласу Иисуса Христа: *Какая польза человеку, если он приобретет*

весь мир, а душе своей повредит?(Мф. 16, 26).

– Да ведь они были святые, – сказал священник.

– Если святые, – ответил я, – остерегались, чтобы не повредиться сообщением с людьми, то что же остается делать бессильному грешнику?

Наконец, простился я с этим добрым священником, и он с любовью проводил меня в путь. Пройдя верст десять, я остановился ночевать в деревне. На том ночлеге я увидел отчаянно больного мужика и советовал бывшим около него, чтобы его причастить святых Христовых Тайн. Согласились, и к утру послали за священником в приходское их село. Я остался подождать, чтобы поклониться Святым Дарам и помолиться при этом великом Таинстве. Вышел на улицу, сел на завалинке, да и дожидаюсь, чтобы встретить священника. Вдруг неожиданно с задворья выбегает ко мне та девица, которая маливалась в часовне.

– Как ты сюда попала? – спросил я.

– У нас назначено было быть рукобитью, чтобы выдать меня за раскольника, и я ушла. При этом поклонившись мне в ноги, начала говорить:

– Сделай милость, возьми меня с собой и отведи в какой-нибудь женский монастырь, я не желаю замуж, буду жить в монастыре да творить Иисусову молитву. Тебя там послушают и меня примут.

– Помилуй, – сказал я, – куда мне тебя повести? Я в этой стороне ни одного женского монастыря не знаю, да и как я

с тобой пойду, когда у тебя нет паспорта? Раз что нигде тебя не примут, да и укрыться тебе нигде нельзя в нынешнее время, сейчас поймают, да и пошлют по пересылке в свое место, да еще накажут за бродяжничество. Иди лучше домой да молись Богу, а если не хочешь в замужество, то притвори себе какую-нибудь немощь. Это называется спасительное притворство, так поступали святая матерь Климента и преподобная Марина, спасавшаяся в мужском монастыре, и многие другие.

В то время, когда мы сидели да рассуждали, увидели, что четыре мужика гонят на паре по дороге и прямо подскакали к нам. Схватили девку, посадили ее в телегу и с одним мужиком отправили, а трое связали мне руки и погнали меня обратно в то село, где я летом жил. На все мои оправдания они только кричали: «Мы тебе, святоша, дадим знать, как девок сманивать!» К вечеру привели меня в сельскую управу, заковали мне ноги в железо да посадили в тюрьму до утра, покуда соберутся судить. Священник, узнавши, что я в тюрьме, пришел посетить меня, принес поужинать, утешал меня и говорил, что заступится за меня и скажет, как духовный отец, что я не таких свойств, как о мне думают. Посидев со мной, он ушел.

Попозднее вечером исправник, проезжая куда-то через это село, остановился у выборного, и ему сказали о случившемся. Он велел собрать сходку и меня привести в судейскую избу. Мы вошли, стоим и дожидаемся. Вот и пришел

исправник уже в кураже [14], сел за стол в фуражке да и крикнул: «Эй, Епифан! Ведь девка, дочь твоя, ничего не снесла со двора?» – «Ничего, батюшка!» – «С этим болваном ни в каких дурных делах не уличены?» – «Нет, батюшка!» – «Так вот как мы дело-то рассудим да и порешим: ты с дочерью своею разделайся сам, а этого молодца завтра мы проучим и прогоним, да накрепко закажем, чтобы он сюда больше не показывался. Вот и все!». Сказав это, исправник слез со стола и отправился в свое место спать, а меня опять посадили в тюрьму.

Рано поутру пришли двое – сотский да десятский, высекли меня и выпустили, и я пошел, благодаря Бога, что Он удостоил меня потерпеть за имя Его. Это меня утешало и еще более возгревало непрестанную сердечную молитву.

Все эти происшествия нисколько не оскорбили меня, как будто случились с кем другим и я только их видел; даже когда меня секли, то и это в силу было терпеть; молитва, услаждавшая сердце, ничему внимать не попускала.

Пройдя версты четыре, я встретил мать девицы, ехавшую с торга с покупками. Она, увидев меня, сказала мне: «Жених-то наш отказался, рассердился, видишь, на Акульку, что от него бежала». Потом дала она мне хлеба да пирог, и я пошел далее.

Погода была сухая, и я не захотел ночевать в какой-нибудь деревне, а увидев вечером в лесу два огороженных стога сена, расположился под ними на ночлег. Когда заснул, вижу

во сне, будто я иду по дороге и читаю главы Антония Великого из «Добротолюбия». Вдруг догнал меня старец да и говорит: «Не тут читаешь, вот где читай», – и указал на 35-ю главу Иоанна Карпафийского, в которой написано следующее: «Иногда учивший предается в бесчестие и терпит искушения за пользовавшихся от него духовно». И еще указал на 41-ю главу его же, где говорится: «Елицы молитву зельнее употребляют, сии от страшных и свирепых искушений пленяемы суть».

Потом стал говорить: «Бодрствуй духом и не унывай! Помни, что сказал апостол: *Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире* (1 Ин. 4, 40). Вот ты теперь опытно дознал, что никакое искушение не попускается выше сил человека, но *при искушении даст* Бог *и облегчение* (1 Кор. 10, 13). Упование на эту помощь Божию подкрепляло и руководствовало к ревности и усердию святых молитвенников, которые не только свою жизнь провели в непрестанной молитве, но из любви поучали и открывали это и другим, при случае и времени. Об этом говорит святой Григорий Фессалонитский так: «Не только нам самим подобает по заповеди Божией молиться непрестанно, во имени Христа, но надлежит учить и открывать сие и прочим, всем вообще монахам, мирянам, мудрым, простым, мужам, женам и детям, и возбуждать во всех усердие к непрестанной молитве». Подобно тому говорит и преподобный Каллист Антиликуда: «Что ни умственное делание о Господе (то есть внутреннюю молитву), ни созерцательное

ведение, и способы к простиранию души горе, не должно удерживать в одном только своем уме, но записывать, предавать писанию и изложению, общей ради пользы и любви». Да и Слово Божие говорит, что *брат от брата помогаем, яко град тверд и высок* (см. Притч. 18,19). Только в этом случае всемерно следует убегать тщеславия и охраняться, чтобы семя божественного учения не сеялось на ветер». Я, проснувшись, почувствовал в сердце моем великую радость, а в душе укрепление и пошел в путь мой далее.

После этого, спустя долгое время, и еще был один случай, пожалуй, и его расскажу. Однажды, именно 24 марта, я почувствовал непреодолимое желание, чтобы завтра, то есть в день, посвященный Пречистой Божией Матери, в воспоминание Божественного Ей Благовещения, причаститься святых Христовых Тайн. Расспросил, далеко ли церковь; сказали 30 верст. Итак, я остаток дня и всю ночь шел, чтобы поспеть к заутрени. Погода была самая ненастная, то снег, то дождь, и притом сильный ветер и холод. На дороге надо было переходить через небольшой ручеек, и как только вошел я на средину оного, лед под ногами проломился и я окунулся по пояс в воду. Так замочившись, я пришел к заутрени, отстоял ее и обедню, на которой Бог сподобил меня причаститься.

Чтобы провести тот день в спокойствии, без помехи духовной радости, я выпросился у церковного сторожа пробыть до завтра в караулке. Весь оный день я был в несказанной радости и сладости сердечной, лежал на полатях в той

нетопленой сторожке, как будто покоясь на лоне Авраамовом: молитва действовала сильно. Любовь ко Иисусу Христу и Матери Божией, как сладостные волны, клубилась в сердце и как бы погружала душу в утешительный восторг. К ночи вдруг почувствовал я сильный лом в ногах да и вспомнил, что они у меня мокрые. Пренебрегши этим, я начал прилежнее внимать сердцу с молитвою и не стал чувствовать боли. Поутру хотел встать, но вижу, что не могу и пошевелить ногами; совсем отнялись и расслабли, как плети; сторож насилу стащил меня с полатей. Так я и сидел два дня недвижимый. На третий день сторож начал выгонять меня из караулки, говоря: «Если ты здесь умрешь, то поди хлопочи за тобой». Едва-едва я выполз кое-как на руках да и лег на церковном крыльце.

Так лежал я и здесь дня два. Люди, проходившие мимо меня, не обращали никакого внимания ни на меня, ни на мои просьбы.

Наконец, какой-то мужик подошел ко мне, сел да и разговорился. Между прочим, сказал: «Что ты дашь? Я тебя вылечу. Со мной самим точь-в-точь так бывало; я знаю от этого снадобье». – «Нечего мне тебе дать», – ответил я. «А в мешке-то что у тебя?» – «Одни сухари да книги». – «Ну так поработаешь ли мне хоть одно лето, если я тебя вылечу?» – «И работать ничего не могу, ты видишь, что я одной только рукою владею, а другая совсем почти высохла». – «Так что же ты умеешь делать?» – «Ничего, кроме того, что умею чи-

тать да писать». – «А, писать! Ну, научи писать мальчишку, сынишку моего, он читать-то маленько знает, а мне хочется, чтобы писал. Но мастера просят дорого, 20 рублей за выучку». Я согласился, и они со сторожем оттащили меня и поместили у этого мужика на заднем дворе в старой пустой бане.

Вот и начал он лечить меня, набрал по полям, по дворам и по помойным ямам целый четверик разных тлевших костей, и скотских, и птичьих, и всяких, перемыл, да перебил их помельче камнем, и положил в большую корчагу, закрыл крышкой, на которой была скважина, да и опрокинул во вкопанный в землю пустой горшок, а сверху корчагу толсто обмазал глиной, и, обложивши костром дров, жег их сутки с лишком, и, подкладывая дрова, говорил: «Вот это будет деготь из костей». На другой день откопал из земли горшок, в который натекло через скважину из корчаги с полштофа густой жидкости, красноватой, маслянистой и сильно пахучей, как бы живым сырым мясом, а кости, бывшие в корчаге, сделались из черных и гнилых так белы, чисты, прозрачны, как бы перламутр или жемчуг. Этой жидкостью натирал я свои ноги раз по пяти в день. И что же? На другие же сутки почувствовал, что могу шевелить пальцами, на третьи мог уже сгибать и разгибать ноги, а на пятый день стал на них и с палочкой прошелся по двору. Словом, через неделю совершенно ноги мои укрепились по-прежнему. Я благодарил о том Бога, да и думал сам в себе: «Какая премудрость Божия в тварях! Сухие, сгнившие, почти совсем предавшиеся

земле кости такую сохраняют в себе жизненную силу, цвет, запах и действие на живые тела и как бы сообщают жизнь омертвелым телам. Это – залог будущего воскресения тел. Вот бы показать это тому полесовщику, у которого я жил, при сомнении его о всеобщем воскресении!»

Оправившись таким образом, я начал учить мальчика, написал вместо прописи – Иисусову молитву, заставил его списывать, показывая ему, как хорошенько выводить слова. Учить его было для меня спокойно, потому что он днем прислуживал у управителя и приходил ко мне учиться только в то время, когда управитель спал, то есть от рассвета до поздних обеден. Мальчик был понятлив и вскоре стал порядочно кое-что писать. Увидев, что он пишет, управитель спросил его: «Кто тебя учит?» Мальчик сказал, что безрукий странник, который живет у нас в старой бане.

Любопытный управитель из поляков пришел посмотреть меня и застал меня за чтением «Добротолюбия». Разговорившись со мной, спросил: «Что ты читаешь?» Я показал ему книгу. – «А, это «Добротолюбие», – сказал он. – Я видел эту книгу у нашего ксендза, когда жил в Вильне, однако ж я наслышан о ней, что она содержит какие-то странные фокусы да искусства для молитвы, написанные греческими монахами, подобно тому, как в Индии да Бухарин фанатики сидят да надуваются, добиваясь, чтоб было у них щекотание в сердце, и по глупости почитают это натуральное чувство за молитву, будто даваемую им Богом. Надо молиться просто с

целью выполнения нашего долга пред Богом. Встал да прочел «Отче наш», как научил Христос; вот на целый день и прав, а не беспрестанно ладить одно и то же, так, пожалуй, и с ума сойдешь да и сердце-то повредишь».

«Не думайте, батюшка, так о сей святой книге. Ее написали не простые греческие монахи, а древние великие и святейшие люди, которых и ваша Церковь почитает, как-то: Антоний Великий, Макарий Великий, Марк Подвижник, Иоанн Златоустый и прочие. Да и индийские-то и бухарские монахи переняли у них же сердечный способ к внутренней молитве, но только перепортили и сами исказили его, как рассказывал мне мой старец.

А в «Добротолюбии» все наставления о сердечном молитвенном действии почерпнуты из Слова Божия, из Святой Библии, в которой тот же Иисус Христос, который повелел читать «Отче наш», заповедывал и непрестанную сердечную молитву [15], говоря: *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всем разумением твоим* (Мф. 22, 37); *смотрите, бодрствуйте, молитесь* (Мк. 13, 33); *пребудьте во Мне, и Я в вас* (Ин. 15,4).

А святые отцы, приводя свидетельство святого царя Давида из Псалтири: *вкусите и увидите, как благ Господь* (Пс. 33, 9), толкуют его так, что должно христианину всеми мерами искать и достигать сладости в молитве и непрестанно искать в ней утешения, а не просто, только по однажды в день, читать «Отче наш». Вот я вам прочитаю, как сии свя-

тые осуждают тех, которые не стараются о снискании и изучении сладостной сердечной молитвы. Они пишут, что таковые погрешают в том: 1) что богодухновенным писаниям являются противоречащими, 2) что не предполагают высшего и совершеннейшего состояния для души, но, довольствуясь одними наружными добродетелями, алкания и жажды правды иметь не могут, а потому лишаются блаженства и радования о Господе, 3) что, мечтая о себе по внешним своим добродетелям, нередко впадают в прелесть или гордость и тем отщетеваются». – «Это ты читаешь что-то высокое, – сказал управитель, – куда нам, мирским людям, за этим гнаться!» – «Вот я вам почитаю попроще и о том, как и в мирском быту добрые люди поучались непрестанной молитве». Я нашел в «Добротолюбии» слово Симеона Нового Богослова о Георгии юноше и начал читать.

Управителю это понравилось, и он сказал мне: «Дай-ка мне почитать эту книгу, в свободное время, когда-нибудь я рассмотрю ее». – «Пожалуй, на сутки дам, а больше не могу, ибо я читаю ее каждодневно и без нее не могу быть». – «Но по крайней мере спиши для меня это, что ты теперь прочитал, я заплачу тебе». – «Платы вашей мне не нужно, а я так с любовью спишу, только бы Бог дал вам усердие к молитве». Немедленно и с удовольствием я переписал прочтенное слово. Он читал его жене своей, и обоим им оно нравилось. Вот иногда они стали присылать за мной. Я хаживал к ним с «Добротолюбием», читал там, а они, сидя за чаем, слушали.

Однажды они оставили меня пообедать. Жена управителя, ласковая старушка, сидела с нами и кушала жареную рыбу. Как-то по неосторожности она подавилась костью, какие ни делали ей пособия, никак не могли освободить, она чувствовала сильную боль в горле и часа через два слегла. Послали за лекарем за 30 верст, а я, пожалевши, пошел домой, уже вечером.

Ночью в тонком сне слышу голос старца моего, а никого не вижу. Голос говорил мне: «Вот тебя твой хозяин вылечил, а ты что не поможешь управительше? Бог приказал соболезновать о ближнем». – «С радостью помог бы я, да чем? Не знаю никакого средства». – «А вот что ты сделай: она с самого начала жизни своей имеет отвращение к деревянному маслу, и не только употреблять, но даже и запаха его не может сносить без тошноты, а потому дай ей ложку деревянного масла выпить, ее станет рвать, кость извергнется, а маслом обмажется та рана в горле, которую оцарапала кость, и она выздоровеет». – «Да, как же я дам, коли она имеет отвращение, она не будет пить?» – «Ты вели управителю, чтобы подержал ее за голову, да вдруг, хоть насильно и влей ей в рот».

Я, очнувшись, немедленно пошел к управителю и пересказал ему все это подробно. Он и говорит: «Что теперь сделает твое масло? Вот уже она хрипит и бредит, да и шея вся распухла. Впрочем, пожалуй, испытаем; масло – лекарство безвредное, хотя и не сделает помощи». Он налил в рюмку деревянного масла, и мы кое-как дали ей проглотить. Тут же

началась сильная рвота, и вскоре кость изверглась с кровью, ей стало легче, и она крепко уснула.

Поутру я пришел проведать и увидел, что она спокойно сидит за чаем и вместе с мужем своим удивляются излечению, а более тому, как сказано мне во сне, что она не любит деревянного масла, ибо этого никто, кроме их обоих, не знал. Вот приехал и лекарь, управительша рассказала, что с ней случилось, а я рассказал, как мужик вылечил мне ноги. Лекарь, выслушав, сказал: «Ни тот ни другой случай не удивительны, в обоих их действовала сама сила натуры, однако ж для памяти я это запишу», – вынул карандаш и записал в памятной своей книжке.

После этого вскоре разнесся слух по всему околотку, что я и провидец, и лекарь, и знахарь; со всех сторон беспрестанно начали приходить ко мне с разными своими делами и случаями, приносили мне подарки и стали почитать и ублажать меня. С неделю я посмотрел на это, и, убоявшись, чтобы не впасть в тщеславие и не повредиться рассеянностью, ушел оттуда тайно ночью.

Итак, опять пустился я в уединенный путь мой и почувствовал такую легкость, как будто гора с плеч свалилась. Молитва все более и более утешала меня, так что иногда сердце мое воскипало от безмерной любви к Иисусу Христу, и от этого сладостного кипения как бы утешительные струи проливались по всем моим суставам. Память о Иисусе Христе так напечатлевалась в уме моем, что, размышляя о евангель-

ских событиях, я как бы их пред глазами видел, умилялся и радостно плакал, иногда в сердце чувствовал радость, что и пересказать того не умею. Случалось, что иногда суток по трое не входил в селения человеческие и в восторге ощущал, как будто один только я на земле, один окаянный грешник пред милостивым и человеколюбивым Богом. Такое уединение утешало меня, и молитвенная сладость при оном бывала гораздо ощутительнее, нежели в многолюдстве.

Наконец дошел я до Иркутска. Поклонившись святым мощам святителя Иннокентия, начал думать сам с собою: «Куда ж мне теперь идти?»

А здесь долго жить мне не хотелось, ибо город многолюдный. В раздумье пошел я по улице, вот и встретился мне здешний какой-то купец, остановил меня да и стал говорить: «Ты странник? Что ж не зайдешь ко мне?» Мы пришли с ним в богатый его дом. Он спросил меня, какой я человек, и я рассказал ему мое происхождение. Выслушав, он начал говорить мне: «Вот бы ты пространствовал в старый Иерусалим. Там-то святыня, какой нигде подобной нет!» – «С радостью бы пошел, – ответил я, – но не имею к тому средств сухим путем. До моря могу пройти, а чтобы море переехать, заплатить нечем, надо много денег». «Желаешь ли, – сказал купец, – я предоставлю тебе средство. Вот я прошлого года отправил уже туда одного старичка из наших мещан». Я упал ему в ноги, и он стал говорить: «Слушай же, я дам тебе письмо к родному сыну моему в Одессу, он там живет и име-

ет торговые дела с Константинополем, у него ходят корабли, и он с радостью довезет тебя до Константинополя, а там велит своим приказчикам нанять для тебя место на корабле до Иерусалима и деньги заплатит. Ведь это стоит не очень дорого». Услышав это, я обрадовался, много благодарил этого моего благодетеля за его милости, а более благодарил Бога, что Он являет мне такую отеческую любовь Свою и попечение о мне, окаянном грешнике, не делающем никакого добра, ни себе, ни людям и туне изъедающем чужой хлеб в праздности. И так я у этого благодетельного купца прогостил три дня. Он написал мне по обещанию своему письмо к своему сыну обо мне; и вот я иду теперь в Одессу с намерением достигнуть и до святого города Иерусалима, но не знаю, допустит ли Господь поклониться Его Живоносному гробу.

Рассказ третий

Перед самым выходом из Иркутска я пошел еще к духовному отцу, с которым вел беседы, и сказал ему: «Вот я уже совсем на пути в Иерусалим, зашел проститься да поблагодарить за христианскую любовь ко мне, недостойному страннику». Он сказал мне: «Бог да благословит путь твой. Но что же ты ничего мне не сказал о себе, кто ты и откуда. Много я наслушался от тебя о твоих путешествиях, любопытно было бы узнать о твоем происхождении и жизни до странничества» [16].

– Хорошо, – сказал я, – с удовольствием расскажу и это. Это не длинная история.

Родился я в деревне Орловской губернии. После отца и матери осталось нас двое, я да старший брат мой. Ему было десять лет, а мне два года – третий. Вот и взял нас дедушка к себе на прокормление, он был старик зажиточный и честный, держал постоялый двор на большой дороге, и по доброте его много стаивало у него приезжих. Стали мы у него жить, брат мой был резв и все бегал по деревне, а я больше вертелся около дедушки. По праздникам ходили мы с ним в церковь, а дома он часто читывал Библию, вот эту самую, которая у меня. Брат мой вырос и испортился – приучился пить. Мне было уже семь лет; однажды я лежал с братом моим на печи, и он столкнул меня оттуда и повредил левую ру-

ку. С тех пор и по настоящее время ею не владею – вся высохла.

Дедушка, видя, что я к сельским работам буду не способен, начал учить меня грамоте, и как азбуки у нас не было, то он учил меня по той же Библии, как-то: указывая азы, заставлял складывать слова да примечать буквы. Так и сам не понимаю, каким образом, твердя за ним, я в продолжение времени научился читать. И наконец, когда дедушка стал худо видеть, то часто меня уже заставлял читать Библию, а сам слушал да поправлял. У нас нередко стаивал земский писарь, который писал прекрасно, я смотрел, и мне нравилось, как он пишет. Вот я и сам по его примеру начал выводить слова, он мне указывал, давал бумаги и чернил и чинил мне перья. Так я и писать научился. Дедушка был этому рад и наставлял меня так: «Вот теперь тебе Бог открыл грамоту, будешь человеком, а потому благодари за это Господа и чаще молись». Итак, мы ко всем службам ходили в церковь, да и дома очень часто молились, меня заставляли читать: «Помилуй мя, Боже…», а дедушка с бабушкой клали поклоны или стояли на коленях. Наконец, мне уже стало семнадцать лет, и бабушка умерла. Дедушка стал говорить мне: «Вот у нас нет хозяйки в доме, а как без бабы? Старший брат твой замотался, я хочу тебя женить». Я отказывался, представляя свое увечье, но дедушка настоял, и меня женили, выбрали девку степенную и добрую, двадцати лет. Прошел год, и дедушка мой сделался при смерти болен. Призвавши меня, начал он прощаться

и говорит: «Вот тебе дом и все наследство, живи по совести, никого не обманывай да молись больше всего Богу, все от Него. Ни на что не надейся, кроме Бога, ходи в церковь, читай Библию да нас со старухой поминай. Вот тебе и денег тысяча рублей, береги, попусту не трать, но и скуп не будь, нищим и церквам Божиим подавай».

Так он умер, и я похоронил его. Брату стало завидно, что двор и имение отданы одному мне. Он начал на меня злиться, и до того враг в том помогал ему, что даже намеревался убить меня. Наконец, вот что он сделал ночью, когда мы спали и постояльцев никого не было: подломал чулан, где хранились деньги, вытащил их из сундука да и зажег чулан. Мы услышали уже тогда, когда вся изба и двор занялись огнем, и едва выскочили из окошка в том только, в чем спали.

Библия лежала у нас под головами, и мы ее выхватили с собой. Смотря, как горел наш дом, мы между собой говорили: «Слава Богу! Хоть Библия-то уцелела, хоть есть чем утешиться нам в горе». Итак, все имущество наше сгорело и брат от нас ушел без вести. Уже после узнали, когда он начал пьянствовать да хвалиться, что он деньги унес и двор зажег.

Остались мы наги и босы, совершенные нищие, кое-как в долг поставили маленькую хижину да и стали жить бобылями. Жена моя была рукодельная мастерица ткать, прясть, шить, брала у людей работу, да день и ночь трудилась, и меня кормила. Я же по безрукости моей даже и лаптей плести не мог. Она, бывало, ткет или прядет, а я сижу около нее

да читаю Библию, и она слушает да иногда и заплачет. Когда я спрошу: «О чем же ты плачешь? Ведь, слава Богу, живем». То она и ответит: «То мне умилительно, что в Библии-то очень хорошо написано». Также помнили и дедушкино приказание – постились часто, каждое утро читали акафист Божией Матери и на ночь клали по тысяче поклонов, чтобы не искушаться.

Итак, жили мы спокойно два года. Но вот что удивительно: хотя о внутренней молитве, творимой в сердце, и понятия мы не имели и никогда не слыхали, а молились просто только языком да без толку клали поклоны, как болваны кувыркались, а охота к молитве была, и долгая наружная и без понятия молитва не казалась трудной, но отправлялась с удовольствием. Видно, правду мне сказал один учитель, что бывает тайная молитва внутри человека, о которой он и сам не знает, как она сама собою производится неведомо в душе и возбуждает к молению, кто какое знает и как умеет.

По прошествии двух лет таковой нашей жизни, вдруг жена моя занемогла сильной горячкою и, причастившись, на девятый день скончалась. Остался я один-одинехонек, делать ничего не мог, пришлось ходить по миру, а было совестно просить милостыню, к тому же такая напала на меня грусть по жене, что не знал, куда деваться. Как, бывало, войду в свою хижину да увижу ее одежду или какой-нибудь платок, так и взвою, да и упаду без памяти. Итак, не мог я долее переносить тоски моей, живя дома, а потому продал свою

хижину за 20 рублей, а какая была одежда моя и женина, всю роздал нищим. Мне дали по калечеству моему вечный увольнительный паспорт, и я немедленно взял свою любезную Библию да и пошел куда глаза глядят. Выйдя, думал я, куда ж теперь идти? Пойду прежде всего в Киев, поклонюсь угодникам Божиим и попрошу их помощи в скорби моей. Как только решился на это, стало мне легче и дошел я до Киева с отрадой. С тех пор вот уже 13 лет безостановочно странствую по разным местам, обходил много церквей и монастырей, а теперь все уже больше скитаюсь по степям да по полям. Не знаю, благоволит ли Господь добраться до святого Иерусалима. Там пора бы, если будет воля Божия, уже и грешные кости похоронить [17].

– А сколько тебе от роду лет?

– Тридцать три года.

– Возраста Христова!

Рассказ четвертый

А мне благо: соединяться с Богом, полагать на Господа упование спасения моего (Пс. 72, 28).

Справедлива русская пословица [18]: «Человек предполагает, а Бог располагает», – сказал я, придя еще к отцу моему духовному. Я полагал, что нынешний день буду идти да идти по пути ко святому граду Иерусалиму, а вот вышло иначе, совсем не предвиденный случай оставил меня и еще на три дня в том же месте. И я не утерпел, чтобы не прийти к вам, дабы известить об этом и принять совет в решимости моей при этом случае, который совсем неожиданно встретился следующим образом.

Распростившись со всеми, я пошел с помощью Божией в путь мой и только хотел выйти за заставу, как у ворот последнего дома увидал стоявшего знакомого человека, который некогда был такой же, как и я, странник и которого я года три не видал. Поздоровавшись, он спросил, куда я иду. Я ответил: «Хочется, если будет угодно Богу, в старый Иерусалим». «Слава Богу! – подхватил он, – вот есть тебе здесь и хороший попутчик». «Бог с тобой и с ним, – сказал я, – разве ты не знаешь, что, по своеобычному моему нраву, я никогда не хожу с товарищами, а привык странствовать всегда один?» – «Да выслушай-ка: я знаю, что этот попутчик будет тебе по нраву, как ему с тобой, так и тебе с ним бу-

дет хорошо. Вот видишь ли, отец хозяина этого дома, в котором я нанимаюсь работником, идет по обещанию тоже в старый Иерусалим, и тебе с ним будет повадно. Он здешний мещанин, старик добрый и притом совершенно глухой, так что как ни кричи, ничего не может слышать; если о чем его спросишь, то нужно написать ему на бумажке, и тогда ответит, и поэтому он не надоест тебе в пути, ничего говорить с тобою не будет, он и дома-то все больше молчит, а для него ты будешь необходимым в дороге. Сын его дает ему лошадь и телегу до Одессы с тем, чтобы там ее продать. Хотя старик-то желает пешком идти, но для его поклажи и некоторых посылок ко Гробу Господню пойдет с ним и лошадь; вот и ты свою сумку можешь положить тут же. Теперь подумай, как же можно старого и глухого человека отпустить с лошадью одного в такой дальний путь? Искали, искали проводника, но все просят очень дорого, да и опасно отпустить его с неизвестным человеком, ибо при нем есть и деньги, и вещи. Согласись, брат, право будет хорошо, решись во славу Божию и для любви к ближнему. А я хозяев-то о тебе заверю, и они несказанно будут этому рады, они люди добрые и меня очень любят; вот уже я нанимаюсь у них два года». Поговоривши так у ворот, он привел меня в дом к хозяину, и я, увидев, что, должно быть, семейство честное, согласился на их предложение. Вот теперь и расположились мы на третий день праздника Рождества Христова, если благословит Бог, отслушав Божественную литургию, отправиться в путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.